

Абсолютное оружие
Андрей
Ливадный
Райвен

Annotation

3785 год.

Загадочная Мать — кибернетическая система обезлюдевшего города-колонии планеты Деметра в попытке создать себе подобный разум, воспитывает среди прочих образчиков робототехники небольшую сферу, наполненную кристаллами. Однако, оказывается, что самый успешный плод ее экспериментов уже когда-то являлся мыслящим существом — шар лишь частица чего-то большего… Судьба складывается таким образом, что юная контрабандистка Беатриче Блейз, проникнув на Деметру, похищает зародыш искусственного интеллекта, еще не подозревая, что с этого момента ее жизнь станет совершенно другой.

* * *

Подсерия «Джон Митчел Сент-Иво» #3
Подсерия «Мать» #2

Андрей Ливадный Райвен (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 28) (Джон Митчел Сент-Иво — 3) (Мать — 2)

Часть первая

Глава 1

4183 год Галактического календаря… Планета Гизборн — один из миров Окраины. 5 часов 20 минут утра…

Снайпер ждал.

Пристроившись меж двух каменных глыб, он курил, пряча в ладони тлеющий огонек сигареты.

До назначенного часа оставалось еще порядочно, но тем не менее высокий, худощавый мужчина, весь какой-то нескладный, словно погнутая ветром сухая ветвь, нет-нет да и привставал, поглядывая на датчики термальной оптики.

Он волновался. Не то чтобы он был неопытен или ночная стрельба по движущейся мишени представляла для него какие-то трудности — просто впервые в его практике несколько выстрелов стоили так дорого…

Он погасил сигарету и присел на корточки возле установленного на треноге безоткатного автоматического орудия. Вот они — сто тысяч галактических кредитов — тускло поблескивают кумулятивными жалами головок, чуть высовываясь из обоймы…

Снайпер погладил ладонью холодный казенник орудия и вновь приник к оптике. Инфракрасный компьютерный прицел послушно пододвинул навстречу глазу мягкий раструб.

Тишина… Он чуть повернул ствол. Серые одноэтажные здания складов, длинный бетонный забор, какие-то вышки…

Ничего… скоро… уже скоро.

Рука снайпера непроизвольно потянулась к нагрудному карману за очередной сигаретой.

Гизборн. Район промышленных терминалов компании «Виллатекс». 6 часов 15 минут утра по местному времени

— Мисс, это последний сеанс связи, — голос в коммуникаторе был далеким, чуть хриплым и казался совершенно незнакомым. — Советую вам возвращаться быстрее, мой «Шаттл» уже начал подготовку к старту.

— Хм… — Беатриче Блейз нахмурилась. — Что-то случилось, пилот? Говорите!

— Нет, ничего не случилось… но мы сели слишком близко к корпоративным территориям. — Пилоту «Шаттла» стало неловко — не

каждый день ему приходилось вот так оправдываться перед женщинами. — Это место пользуется дурной славой, — пояснил он. — Я не хочу тут задерживаться, понимаете?

— Ну хорошо, час-то вы мне дадите? — не очень вежливо осведомилась Блейз. Она терпеть не могла, когда ее ограничивали сроком, но в этом рейсе особо выбирать не приходилось. Обстоятельства вынудили ее работать с незнакомыми, почти что случайными людьми, такими, как этот, совсем еще зеленый и оттого чересчур нервный молодой пилот.

— О’кей, только постарайтесь не опаздывать, — с явным облегчением ответили из коммуникатора.

— Отлично… — Она отключила систему связи и повернулась.

— Ну что, Райвен, похоже, нам с тобой придется побегать, да? — казалось, что молодая женщина разговаривает сама с собой, больше в затемненной светофильтрующими пластинами рубке боевого робота не было ни души.

Тихо шелестел вентилятор систем регенерации. Сигналы пульта, который обступал кресло человека со всех сторон, спускаясь даже сверху, от потолка кабины, попискивали тихо и уютно. В нагнетаемом вентилятором воздухе чувствовался легкий запах нагретой пластмассы. На овальном мониторе, который располагался прямо напротив кресла, вырисовывался четкий унылый контур серой бетонной стены высотой в пять метров.

Рубка робота, слегка раскачиваясь в такт колебаниям корпуса, плыла почти что вровень с ее гребнем. Дальше за забором угадывались сумеречные очертания каких-то хозяйственных построек…

— Серводвигатели готовы, Беат, — ответил приятный, хорошо отмодулированный мужской голос, раздавшись из скрытых под приборными консолями динамиков аудиосистемы.

— Райви, милый, не будь занудой, ладно? — она положила пальцы обеих рук на клавиатуру одного из пультов. — Просто скажи: «Да, я не прочь пробежаться…» — с лукавой улыбкой добавила она, набирая коды.

Бетонная стена на обзорном мониторе качнулась вправо.

— Тишина какая… — Райвен демонстративно щелкнул динамиками внешних микрофонов. — Выходной у них сегодня, так полагать?

— Не знаю, — пожала плечами Беатриче. — Нам-то что? — Она, сощурившись, посмотрела на монитор. Стена то отдалялась, то приближалась вновь — это Райвен описывал круги, привставая на ступоходах совсем как человек, который силится заглянуть через забор чужого сада.

— Ты нервничаешь? — Она тоже насторожилась. — В чем дело?

Райвен не ответил. Вместо слов перед Блейз вспыхнул, осветившись мягким изумрудным сиянием, еще один тактический монитор. На самом срезе экрана, где-то на пределе восприятия сенсоров, то появлялись, то исчезали несколько смазанных малиновых пятен.

Она похолодела. Этот маршрут был уже опробован добрый десяток раз и никогда не подводил их, а тут… Промышленные комплексы и складские терминалы, которые всегда работали не останавливаясь, сегодня стояли мертвыми глыбами серого бетона… и эти пятна прямо на пути их следования…

— Думаешь, это засада? По нашу душу?

— Не исключено, — ответил Райвен, продолжая медленно передвигаться вперед.

— Нам надо сдать груз, Райв…

— Знаю. Потерпи минуту, пока я смогу задействовать основные сенсоры. Они нас еще не видят на своих радарах.

Через пару минут осторожного маневрирования сигналы заметно приблизились. Теперь уже и без датчиков стало очевидно, что это какие-то крупные машины, работающие на ядерной энергии.

— Это засада, — вывод Блейз был категоричен.

— Да, расположение сигналов говорит за то… — Райвен на мгновение смолк, словно задумавшись. — Нет, слишком много потенциальных врагов… вдруг признался он. — Не могу вычислить, кто нас заложил. — Интонация, прозвучавшая в голосе машины, была равнозначна пожатию плечами. — Список получается длинный. Извини, нет времени на анализ.

— Слушай, Райв, не морочь мне голову, — нахмурилась она. — Лучше просканируй вот этот сигнал, — ее ноготь щелкнул по тактическому монитору. Мне кажется, он слишком велик для патрульного бота…

На пультах управления вспыхнули и тут же погасли несколько огоньков. Это Райвен на сотые доли секунды включил тепловые сканеры.

— Ты права… Там «Циклоп» собственной персоной, — сообщил он.

Пальцы Беат непроизвольно сжались в кулак. Вот так сюрприз…

Пока она переваривала эту новость, Райвен принял самостоятельное решение. Гребень забора на мгновение застыл и поплыл в обратном направлении.

— Ну и что? — спросила его Блейз. — Думаешь, кружным путем?

— Бесполезно. Я не хотел тебя расстраивать, но в тылу только что появился еще один сигнал. Второй «Циклоп».

— Вот дерьмо… — вырвалось у нее.

— Согласен… — глубокомысленно произнес голос. — Самая удачная оценка ситуации за последние пять лет. Прямо в яблочко.

Она хотела что-то ответить, но в этот момент сумерки прорезали ослепительные прожекторные лучи. Метнувшись по гребню забора, они скрестились на пятиметровом корпусе Райвена. Еще несколько прожекторов ударило сверху, от зависших в сотне метров над землей патрульных ботов, бесшумно паривших на антигравитационной тяге, и внезапно внешние микрофоны передали сухой, искаженный усилителями голос:

— Говорит полковник Отто Шнайдер, командир охранного батальона военно-космических сил планеты. Беатриче Блейз, вы окружены. Советую сдаться. Даю ровно одну минуту на размышление, потом открываю огонь. Время пошло.

Очевидно, полковник был человеком без юмора. Отдавая дань краткости, он упускал великолепную возможность для диалога.

В рубке повисла тягостная тишина — это Беат на мгновение задумалась, взвешивая все «за» и «против», а потом с глубоким вздохом начала стягивать сенсорные перчатки.

— Райвен, мы влипли по самое некуда… — с сожалением заметила она. Приготовься отключиться. Уверена, ты сумеешь отлежаться на какой-нибудь свалке, пока я мотаю срок.

— Рехнулась, Беат?

— Нет… — она бросила еще один взгляд на множество малиновых сигналов, словно рябь покрывавших тактический монитор. — Там «Циклопы». У нас нет шансов.

— Прекрати, — голос, исходивший из-под пультов, выдал раздраженные нотки. — Я не собираюсь открывать люки и дожидаться, пока какой-нибудь тупой тех полезет в мое нутро. Исключено.

Беатриче вдруг услышала под своим креслом тонкий, зудящий и отлично знакомый гул.

— Райвен, не дури! Что ты делаешь?!

— Разве не слышишь? Разогреваю прыжковые ускорители. У тебя осталось двадцать семь секунд, чтобы принять управление огнем. Бет.

— У тебя что, замкнуло логический блок? Разве наш груз стоит того, чтобы идти на огонь «Циклопов»?! — откровенно возмутилась она.

Из динамиков Райвена раздался тихий вздох — робот отлично понимал, о ком в данный момент беспокоится человек.

— Опомнись, дружище, не надо так расстраиваться, за контрабанду

много не дают… — попыталась успокоить его Блейз, похлопав ладонью по скошенной приборной панели. — В первый раз, что ли? Ну, подержат пару месяцев…

Тонкий звук разогревающихся прыжковых турбин постепенно начал переходить в басовитый вой, прорвавшийся даже сюда, в рубку управления, и, наверное, потому ответ Райвена прозвучал глухо…

— Это ты опомнись, Бет, — ответил он. — За контрабанду много не дают, но и на перехват заурядного нарушителя таможенных правил «Циклопов» не посылают. У тебя осталось пять секунд, — напомнил он. — Я не хотел тебе говорить, но сканеры показывают, что их армейские номера — фальшивое дерьмо… Им нужна не ты, а я.

Внешние микрофоны вновь взорвались сухим, трескучим голосом:

— Мисс Блейз, ваше время истекло! Или вы глушите двигатели, или…

В этот момент Райвен врубил ускорители.

Полет двадцатитонной боевой машины, исполненной по индивидуальному проекту, автор которого плевать хотел на все принципы и тысячелетний опыт конструирования подобных механизмов, напоминал цветной глюк наркомана, поехавшего по фазе на почве фантастических фильмов.

Из-под согнутых в коленях ступоходов Райвена, оканчивающихся трехпалыми ступнями, вырвалось ослепительно-белое пламя, яркое, как магниевая вспышка, и он взлетел, легко, непринужденно поднявшись над бетонным забором и угрюмыми грузовыми терминалами.

Патрульные боты, сенсоры которых мгновенно ослепли, шарахнулись в стороны, как стайка испуганных воробьев из-под колес грузовика.

На плечах боевой машины, словно два сатанинских горба, внезапно поднялись обтекаемые обоймы пусковых установок, из которых торчали тупые жала реактивных ракет. Вытянутый вперед корпус Райвена, в котором располагалась рубка, плавно развернулся относительно поджатых, как у кузнечика, ног, и ракетные установки плюнули огнем в лоб попытавшемуся встать на пути «Циклопу».

Огромная, неуклюжая планетарная машина в последний момент начала уклоняться от залпа, но для ее широких гусениц этот маневр оказался сверхзадачей, — полковник, очевидно, не до конца представлял себе технические возможности и те новаторские конструктивные решения, что легли в основу проектирования Райвена. Этого робота создал не человеческий мозг, а эволюция, помноженная на опыт двух совершенно различных цивилизаций.

Ракеты с воем рванули вниз, прочертив двадцать огненных дуг, и броня «Циклопа» дымящимися кусками полетела по сторонам. Планетарный танк судорожно дернулся, разворачивая уцелевшие орудийные комплексы, но поджарый пятиметровый робот, очень похожий на сложившего крылья ворона, уже приземлился за его кормой, звонко чиркнув о бетон своими трехпалыми лапами, и, раскачиваясь, бросился прочь, в сгущавшуюся темноту.

— Отличный залп, Бет… — голос Райвена почему-то звучал неестественно громко.

— Не говори гоп… — мрачно отозвалась его напарница, не испытывавшая особого оптимизма по поводу их удачного прорыва из западни. — У тебя все в порядке с системами?

— Повреждения минимальные.

Внутри пультов управления что-то защелкало — это Райвен выпускал резервные датчики взамен пострадавших.

— Они идут сзади.

— Вижу. — Блейз и так не отрывала глаз от рельефной компьютерной карты на тактическом мониторе. — Не будь полковник таким самонадеянным, он бы поставил «Циклопов» не под забором, а километрах в полутора… — невесело прокомментировала она. — Успел бы ты тогда на дистанцию прицельного залпа?

Райвен не мог ни пожать плечами, ни мотнуть головой, но ответ был ясен и так.

— Сколько до корабля?

— Пятнадцать километров.

— Только бы дождался…

В этот момент впереди, как раз в том направлении, где остался их «Шаттл», возникла и погасла серия коротких вспышек.

Спину Беатриче прошиб холодный пот.

— Райв, в сторону! — закричала она, хватаясь за рычаги и одновременно с ужасом осознав, что уже слишком поздно…

Не было эффектных огненных шлейфов, красивых вспышек и адского грохота. Маленькие кумулятивные снаряды чудовищной проникающей силы, выпущенные из снайперского полевого орудия, с треском проломили броню, ударив точно по смотровым триплексам, и взорвались в тесном пространстве рубки управления.

Райвен оказался абсолютно прав — захват человека не входил в планы устроивших засаду. Им нужен был робот.

Он дернулся, словно налетел на невидимую преграду, один из

ступоходов подломился, и Райвен упал.

Из его рубки сквозь пробитые бронестекла триплексов вырывался едкий сизый дым. Двадцатитонный робот по инерции проехал еще несколько метров, лежа на боку и оставляя за собой глубокий безобразный след, и застыл бесформенной глыбой металла…

* * *

Он жил еще несколько долгих секунд.

Бет умирала, истекая кровью в иссеченном осколками кресле…

Высоко в небе появились габаритные огни ботов. Один из них тащил за собой стальные нити чалочного захвата.

Райвен видел все это, лежа на боку. Беспомощный и искалеченный, он не мог пошевелить ни одним сервоприводом.

Он знал, что будет дальше. Труп Беатриче просто зароют в землю, а его разберут по винтику, с тем чтобы изучить и скопировать на конвейере какого-нибудь военно-промышленного комплекса.

Сбывалось то, о чем когда-то предупреждала его Мать…

Полковник Шнайдер не учел только одного: Райвен не был РОБОТОМ, он представлял собой нечто в тысячи раз сложнее.

Решение пришло к нему за доли секунды.

— Вот хрен вам, ребята… — прохрипел разорванный динамик аудиосистемы. — Вы будете лечить Бет, причем сделаете это очень старательно… Я не оставлю вам выбора.

Патрульные боты уже зависли над поверженной боевой машиной, заключив ее в ослепительный круг света, когда в покалеченной броне Райвена вдруг со скрежетом открылся люк, и дымный выхлоп катапульты швырнул кресло с умирающим пилотом по низкой дуге. Сверкнув в лучах прожекторов, оно улетело во тьму.

На пульте управления Райвена горел один-единственный крохотный огонек, под которым мерцала зловещая надпись:

«САМОУНИЧТОЖЕНИЕ».

В следующую секунду страшной силы взрыв потряс приземистые здания грузовых терминалов.

Впервые в истории робот *сознательно* отдал свою жизнь за человека. Он был ему другом…

В рубке управления патрульного бота взбешенный полковник, глядя на бесформенные, потерявшие всякий практический смысл уродливые

останки, склонился к микрофону.

— Найдите мне капсулу катапульты! Немедленно! — прохрипел он. — Если пилот умрет, я с вас шкуру спущу!

Глава 2

4183 год Галактического календаря. Система Деметры. Борт разведывательного космического корабля «Виктория». Два месяца спустя после событий на Гизборне…

Помещение, куда привели Беат, оказалось самой тривиальной комнатой для допросов. Голые серые стены, пластиковый стол, два стула и неизменные зрачки видеокамер по углам. Впрочем, ничего другого она и не ожидала.

Напрягаться, чтобы придать себе безразличный вид, ей не потребовалось Беат чувствовала себя настолько погано, что любые эмоции терялись на ее бледном, изможденном и осунувшемся лице. Ну, а лихорадочный блеск глаз молодой женщины можно было принять скорее за безумие, чем за волнение…

За столом сидел тот самый человек, что был повинен в смерти Райвена, это она определила по голосу, как только полковник заговорил, сухо и отрывисто, словно рвал на клочки лист бумаги:

— Меня зовут Отто Шнайдер. Мы с вами уже имели удовольствие встречаться несколько месяцев назад… надеюсь, помните, мисс Блейз? — с издевкой произнес он.

Беат подняла голову, зло посмотрев в пустые, рыбьи глаза своего тюремщика.

— У меня есть личный адвокат, — отрезала она. — Я уже сообщила вашим людям его электронный адрес.

— Я в курсе… — полковник выразил ровно столько же эмоций, сколько и стол, за которым он восседал. — Боюсь, что вы, мисс, не до конца отдаете себе отчет, куда попали…

— Разве вы не представились? — попыталась съязвить она, в то время как холодные мурашки предательски пробежали по ее спине.

— Это была маскировка… — развел руками полковник, подтвердив самые худшие опасения Беат. — Мы считали, что вас способен вразумить официальный статус операции.

— Ваши аналитики зря едят свой хлеб, — отрезала Беат. — И вы, полковник, тоже. Я буду говорить только в присутствии своего адвоката.

— Не зарывайтесь, мисс Блейз, — голос Шнайдера остался спокоен, но холодные льдинки, застывшие в его глазах, свидетельствовали о том, что этот человек не настолько бесстрастен, каким хотел казаться. Вероятно, он

очень старательно держал себя в руках. — Не зарывайтесь, потому что вам будет инкриминирована не контрабанда оружия в молодые, слаборазвитые миры, которую любой грамотный адвокат обернет для подзащитного в условное наказание, а нечто иное… — Он изобразил деланную задумчивость, побарабанив пальцами по унылой пластиковой столешнице. — Как вам, например, понравится контрабанда активного вещества для аннигиляционных установок? Или работорговля? А быть может, вам больше по душе стать массовым убийцей, а, мисс Беатриче Блейз?

Полковник издевался, причем делал это с откровенным удовольствием закоренелого садиста.

Беат промолчала, упрямо глядя в пол. В сознании молодой женщины, которая не так давно пришла в себя после многочисленных операций, все еще стыл ужас собственной смерти. Она слишком хорошо помнила те секунды… Слишком хорошо, чтобы спокойно разговаривать с этим подонком…

— Вы проникли на частную территорию корпорации, оказали сопротивление при задержании и вели целенаправленные боевые действия, — тем временем продолжил Шнайдер. Встав из-за стола, он принялся медленно прохаживаться по комнате, заложив за спину свои длинные жилистые руки. — В соответствии с уставом и внутренним регламентом частных территорий вы задержаны. Попадете ли вы, в конце концов, в руки официальных властей — это вопрос вашей заинтересованности в сотрудничестве с теми, кому вы нанесли крупный материальный и моральный ущерб.

— А если я откажусь? — глухо спросила она, все еще не понимая, куда клонит этот человек. Мысли Беат метались от Райвена к собственной смерти и обратно, не находя в памяти вразумительных ответов ни на один вопрос… Она действительно не понимала и не помнила, как оказалась на борту космического корабля, куда и зачем ее везут и вообще какую цель преследует мнимый полковник, разыгрывая перед ней весь этот фарс…

Отто Шнайдер пожал плечами и усмехнулся. Очевидно, его позабавило предположение измученной пленницы о невозможности сотрудничества с собственным убийцей.

— Тогда нашему экономисту придется занести расходы на вашу реанимацию и лечение в графу прямых убытков, — цинично произнес он. — Вы умрете, не приходя в сознание, два месяца назад, — для полной ясности уточнил он. Соответствующая документальная видеозапись уже сделана, и не сомневайтесь, она будет предъявлена тем, кто вздумает

разыскивать пропавшую контрабандистку, включая и вашего адвоката, по первому требованию. Хотя, по нашим сведениям, разыскивать вас будут немногие, разве что те кредиторы, которым вы должны достаточно круглую сумму за утраченный груз…

— Значит, меня уже нет в живых? — перебила его Беат.

— Все зависит от вас, — пожал плечами полковник. — Но, по правде говоря, наши медики совершили чудо…

— Полковник, вам не надоело играть роль великодушного ублюдка? — тихо, но твердо спросила она. — Давайте начистоту.

Шнайдер остановился как вкопанный, потом медленно повернулся и бросил на нее тяжелый взгляд.

— Наглость и храбрость, девушка, это две вещи, которые в жизни не стоят рядом даже приблизительно. Храбрость уважают, а за наглость, как правило, наказывают.

«Сейчас он точно кликнет своих костоломов…» — обреченно подумала она. Глупость и упрямство никогда не являлись отличительными чертами характера Беатриче. Будь она глупа или излишне заносчива, то не продержалась бы в среде рискованного бизнеса и дня.

— Хорошо, полковник… считайте, что я созрела, — сделав некоторое усилие, выдавила она. — Мне будет любопытно услышать, на каких условиях я могу остаться в живых…

Полковник посмотрел на нее сверху вниз. Будь он режиссером на театральных подмостках, то репликой, сорвавшейся с его губ, должно было стать банальное «Не верю»… Глядя на измученную женщину, которая, неестественно выпрямив спину, сидела на жестком стуле, он видел гораздо больше, чем она хотела бы показать. Такой сорт людей всегда вызывал в нем глухое раздражение, они вечно появлялись не ко времени, встревая в его детально разработанные планы, словно рыбья кость, случайно попавшая в горло.

В принципе, оценка полковника была близка к истине, за исключением одного пункта. Не она нарушила его далеко идущие планы. Это сделал Райвен, робот, бездушная железка, набор кремниевых микросхем и тусклых серых кристаллов… Робот, который обладал сознанием и оценил жизнь Беатриче гораздо выше собственной…

— Вы зря пытаетесь иронизировать. — Отто Шнайдер вернулся за стол и сел, сцепив пальцы рук. — Нам известно о вас практически все, так что есть очень много способов превратить упрямого контрабандиста в хорошего, послушного сотрудника нашей организации. Подумайте об этом и перестаньте ерепениться…

«Интересно, что в моем прошлом, кроме откровенной контрабанды, может быть использовано?» — в некоторой растерянности подумала Беат. Она никогда не была законопослушным налогоплательщиком, но на протяжении всей жизни неукоснительно придерживалась неких, выработанных ею же самой, моральных принципов. Она никого не грабила, а тем более не убивала. Да, она грубо нарушала различные эмбарго, но, в понимании Беатриче, доставить партию оружия людям, которые борются с чуждыми биосферами на вновь освоенных планетах, — грех гораздо меньший, чем запрещение ввоза тех самых вооружений туда, где без хорошей импульсной винтовки порой бывает просто небезопасно сходить в собственный сортир.

Словно в ответ на ее мысли, полковник поднял глаза и внятно произнес:

— Ну, к примеру, нам стало известно, что шесть лет назад некая молодая особа, начинающий, между прочим, контрабандист, наслушавшись странных сказок в припортовых кабаках Ганиопорта, решила во что бы то ни стало посетить одну запрещенную планету, которую охраняет целый космический флот.

Беат похолодела. Неужели они в курсе? Впрочем, если они действительно охотились за Райвеном, то это и неудивительно.

— Этой планетой, как вы уже наверное догадались, была знаменитая и таинственная Деметра… а молодую дерзкую особу ведь звали Беатриче, верно?

Отрицать известный им факт не было никакого смысла, и она едва заметно кивнула.

— Отлично. Одного этого уже хватит, чтобы Люди Сферы разорвали вас на куски. Хороший стимул для сотрудничества.

— Дьяволы Элио!.. — не выдержав, наконец взорвалась она. — Хватит глумиться, полковник, говорите, что вам от меня нужно.

— Нам нужен робот. Точно такой робот, какого вы сумели выкрасть с Деметры.

— Это невозможно… — не задумываясь, ответила она. — В прошлый раз мне просто повезло…

— Значит, повезет еще раз.

— Да чушь это все! — Беат порывисто вскинула голову. — Вы хоть что-нибудь знаете об этой планете? Деметра — это ад, один сплошной бесконечный глюк, там для человека нету места, понимаете? Думаете, зря ее охраняет флот Сферы?! Решиться на визит туда можно только один раз, и то по собственной дури, когда не представляешь, что тебя ждет!..

— Ага… Не понимаю, как глупой девчонке удалось спереть оттуда большого двадцатитонного робота. У вас был врожденный талант к контрабандному ремеслу, да?

— Да вы просто ни хрена не знаете про Деметру! — грубо огрызнулась она, уже не владея собой. — Я украла не робота, я украла… вернее, взяла с собой, потому что кражей это не назовешь, — младенца, функциональный зародыш, который умещался за пазухой!..

— Так-так, это уже становится интересным! — по тому, как Шнайдер подался вперед, Беат поняла, что, забывшись, сболтнула лишнее. Похоже, они ничего не знали об эволюции роботов на Деметре.

Блейз горестно склонила голову. Ситуация зашла в тупик. Чтобы убедить их в бессмысленности этого мероприятия, она должна была рассказать все о том, как выбиралась с планеты, куда действительно сунулась по собственной глупости и самонадеянности, как привязался к ней маленький светящийся шарик, который, собственно, и помог доведенной до полного отчаяния юной контрабандистке выжить в том аду… Как рос Райвен и как он конструировал сам себя… Беат слишком хорошо понимала, что даже если этот путь удастся повторить, то нет никаких гарантий, что из такого же шарика вырастет еще один добрый, умный и преданный друг, а не какой-нибудь монстр с кривой психикой и жаждой массовых убийств… Не зря же орбитальные границы Деметры охранял один из самых устрашающих космических флотов Галактики…

Все это следовало бы высказать полковнику, чтобы он не строил для себя лишних иллюзий, но Беат понимала, что если она произнесет хоть слово, то только подогреет интерес к Деметре…

Получался хороший, прочный замкнутый круг…

— Между прочим, у нас есть адресованное вам послание… — нарушил ее мысли голос Шнайдера. — Наши проникающие сенсоры сделали эту запись за несколько секунд до взрыва вашего робота. Хотите послушать?

Беат не ответила. Она сидела, низко склонив голову, полностью погрузившись в собственные мысли.

Не дождавшись ее согласия или отрицания, полковник встал и, открыв замаскированную в стене панель, нажал на ней несколько кнопок.

В комнате повисла напряженная тишина.

Из скрытых динамиков вдруг донесся какой-то скрежет, шелест помех несущей частоты, и Беатриче вдруг вздрогнула, резко подняв голову, когда в тесном помещении внезапно зазвучал такой знакомый, чуть хриплый голос Райвена.

Это было уже вне всяких правил. Страшный, точно рассчитанный удар по болевым точкам и без того измученного и опустошенного сознания… Отто Шнайдер еще не знал, что, включив эту запись, он перегнул палку.

— Ну вот ты и улетела, Бетти… Жаль… Нам было здорово вместе. Как бы я хотел еще раз увидеть тебя и Мать…

Потом грянул оглушительный взрыв.

* * *

Вентиляционные трубы — это великая, многофункциональная и изредка употребляемая не по назначению система любого космического корабля.

Благодаря соединенным между собой вентиляционным каналам, которые перекрываются задвижками лишь в случаях катастрофических, связанных с разгерметизацией, совершались некоторые террористические акты, а иногда и спасательные операции, но в данном случае самое тривиальное и невзрачное отверстие, служившее для притока регенерированного воздуха в то тесное помещение, где содержали Беат, дало ей возможность получить бесценную информацию.

Изнывая от неизвестности, она в первый же день своего заточения тщательно исследовала каждый миллиметр обшивки так называемой каюты, которая на самом деле представляла собой тесную конуру размером два на полтора метра, где помещалось все необходимое для жизнедеятельности человека начиная от откидной койки и заканчивая клозетом.

В том, что космический корабль направляется в систему Деметры, она не сомневалась ни на секунду. Тайной для Беат оставалось лишь то, каким образом ее хотели заставить выполнить это, абсолютно нереальное, с точки зрения здравого смысла, задание.

Голоса из вентиляции она услышала еще в первый день своего заточения, когда ее, пребывающую в полной прострации после памятного разговора со Шнайдером, впихнули сюда и оставили одну.

Упав на жесткую откидную койку, она лежала не шелохнувшись. Предсмертные слова Райвена напрочь перечеркнули в ее душе всякие возможные компромиссы с этим ублюдком полковником. В душе Беат росла не злоба, чувство, которое не позволило ей тихо сойти с ума от всех выпавших на ее долю тяжких потрясений, было намного глубже и сильнее. Она лежала в полной тишине, совершенно обессиленная и подавленная. У нее не было сил даже на то, чтобы чисто по-женски разреветься и тем

самым хоть немного облегчить жгучую внутреннюю боль.

В этот момент она и услышала приглушенные голоса. Они были самыми разными, и у Беат сложилось ощущение, что где-то рядом расположена кают-компания или комната отдыха экипажа.

Найдя в себе капельку сил, она подняла голову, обведя взглядом тесное помещение. Ее внимание привлекла расположенная у низкого потолка серая решетка.

О том, что этот невзрачный вентиляционный канал может стать источником столь необходимых ей сведений, Беат в тот момент не думала, ей было настолько плохо, что она с трудом смогла просто принять к сведению тот факт, что слышит доносящиеся из вентиляции приглушенные обрывки фраз…

Потом она забылась тяжким, кошмарным сном…

* * *

Придя в себя спустя какое-то время, она вспомнила о слышанных накануне голосах.

Мысли о Райвене и своем тягостном положении изматывали ее. Чем больше она думала, тем более тупиковой казалась ей сложившаяся ситуация… Чтобы как-то отвлечься, Беат, приведя себя в относительный порядок, насколько это позволила раковина, плевок жидкого мыла и дешевое разовое полотенце, присела возле вентиляционного отверстия.

Разговоры, которые велись по ту сторону стены, оказались обыденными и ничего не значащими. Два механика беседовали о неисправности какой-то системы, солдат рассказывал своему товарищу о подружке… Все это тянулось как бесконечный сериал, смотреть которые Беат терпеть не могла с самого детства.

Ценность времяпровождения у отверстия она осознала в тот момент, когда на пятый или шестой день полета она услышала из-за решетки знакомый голос полковника Шнайдера…

— …говорю тебе, он знает, что делает. — Обрывок фразы долетел до Беатриче, заставив ее насторожиться и прильнуть к зарешеченному отверстию. Со времен развала Конфедерации прошло уже четыреста лет, и до сих пор эта историческая ошибка дает о себе знать!

— Ну да, а как же быть с независимостью Окраин? — возразил полковнику вкрадчивый, елейный голос, хозяина которого Беат почему-то мысленно представила себе эдаким инквизитором из древних исторических хроник. Ей показалось, что она видит, как по ту сторону стены маленький, тщедушный старичок, закутанный в темную рясу с капюшоном, сидит в

кресле напротив Шнайдера. — Разве мы не потомки тех, кто получил полную экономическую и политическую свободу в результате падения Конфедерации?

В разговоре наступила непродолжительная пауза. Очевидно, полковник обдумывал ответ. А может быть, они просто наполняли бокалы.

— Конфедерацию нельзя было уничтожать, — прозвучал наконец ответ Шнайдера на заданный ему минуту назад вопрос. — Ее нужно было ассимилировать, переварить, с тем чтобы в Галактике сохранилась сильная централизованная власть! Стоит вспомнить, что случилось двести лет назад, когда правительства планет оказались поставлены перед фактом существования Сферы Дайсона! Это же абсурд — люди колонизировали ее, установили контакт с нечеловеческим разумом и открыто заявили — вот, дескать, мы, вот наша территория в пространстве, и никому не лезть!

— Прекрасно понимаю вас, полковник. Но согласитесь, Люди Сферы — это довольно любопытная формация. Спокойные, уверенные в себе пацифисты.

— Ага, которые по своей воле закрывают от нас целые планеты и имеют свой космический флот! Хороши пацифисты, ничего не скажешь! — вспылил Шнайдер. — А чего стоит Великое Переселение инсектов, когда целых три планеты были просто отданы им, этим деградировавшим кузнечикам! Нате, братья, живите и размножайтесь! Это в то время, как Центральные миры начинают страдать от перенаселения, как страдала когда-то Земля!

— Вы так ненавидите Сферу, полковник, и все, с ней связанное, что я начинаю серьезно подозревать, не готовится ли попытка вторжения в ее пределы? Для этого вам понадобились новые технологии?

В соседнем помещении опять наступила тишина.

— Увы… — наконец изрек Шнайдер. — Может быть, мне и хотелось бы дожить до такого дня, но увы, — повторил он. — Я реалист, и предел возможностей нашей организации пока что хорошо известен. Мы ставим себе целью возрождение Конфедерации, объединение всех планет Галактики в единый экономический и военный союз. А для этого, как вы понимаете, за нами должна стоять сила. Люди тянутся к сильным и отворачиваются от слабых — это проверено опытом и историей. Конечно, нам потребуется демонстрация этой самой силы, к тому же необходимо будет сформировать ядро, первичный союз, вокруг которого смогут объединиться остальные миры…

— Объединиться или быть объединенными? — ехидно спросил второй голос. Это, мой дорогой полковник, как говорится, две большие

разницы.

— Время покажет… — попробовал не то отмахнуться, не то отшутиться Шнайдер.

— Ну, хорошо… Оставим на потом обсуждение глобальных проблем человечества. Сейчас меня интересует то конкретное дело, ради которого мы, собственно, и летим… Как вы предполагаете достать необходимый образец? Неужели этот пойманный вами человек такой безумец?

Шнайдер отвратительно хохотнул.

— Нет, она далеко не безумна, — признался полковник. — Темная лошадка, с норовом… Но я не оставлю ей никакого выбора. Просто посажу в капсулу и сброшу в атмосферу.

— Отлично, а дальше?

— Дальше все очень просто. Жить внизу нельзя. Этой наглой девчонке останется только выполнить задание, потому как подобрать ее сможем только мы. Люди Сферы ей не помогут. Скорее, они распнут неоднократного нарушителя их суверенитета и самых страшных запретов. Иногда в их последовательности и предсказуемости есть свои положительные стороны. Так что не волнуйтесь. Либо она вернется с необходимым нам грузом, либо не вернется совсем. В любом случае мы ничего не теряем.

— Прекрасно… — протянул гнусавый голос. — Ну, а если она просто обманет вас? Откуда вы знаете, Шнайдер, что именно вам нужно? Разве она не в состоянии набрать там, внизу, какого-нибудь экстраординарного хлама, а? Чтоб ваши спецы ломали потом над ним свои головы?

Шнайдер не задумался ни на секунду.

— Этот номер не пройдет! — коротко отрезал он. — Я знаю, что хочу получить. Мои техники выделили среди обломков робота то, что составляло его процессор, мозг. Я специально взял с собой тот треснутый шар, набитый кристаллами, чтобы провести сравнительный анализ сразу, по ее возвращении, голос Шнайдера вдруг выдал ледяные, угрожающие нотки. — Если она принесет мне какое-нибудь левое дерьмо, то я скину ее назад, на Деметру! — гневно заявил он. — И буду делать это до тех пор, пока не получу требуемого!

— Очень остроумно…

— Человек тем и отличается от животного, что постоянно хочет жить. Эта юная контрабандистка не исключение.

…Беат, застывшая у вентиляционного отверстия, вдруг почувствовала, что слушать этот откровенный бред ей становится невмоготу. Одно из двух

либо полковник страдал психическим расстройством, либо за ним действительно стояли серьезные силы. А скорее всего — и то и другое, вместе взятое. По мнению Беатриче, которая сама была далеко не ангелом, людей типа Шнайдера следовало отстреливать, как бешеных собак…

Машинально продолжая прислушиваться к доносившимся из вентиляции фразам, она уже не могла сосредоточиться на разговоре… Беат вновь думала о Райвене, ее единственном настоящем, неподкупном друге, и о его последних словах…

Значит, сказки про Деметру все же были больше чем вымысел. Райвен не умел лгать. Просто по молчаливой договоренности сторон она никогда не выпытывала у него подробностей жизни на Деметре. Чтобы составить мнение об этом мире, ей хватало своих личных впечатлений. Но она никогда всерьез не задумывалась над тем, что эволюция электронно-механической жизни имеет свою первооснову — эту таинственную Мать. Откровенно говоря, Беатриче считала ее чистым вымыслом, призванным придать легендам о Деметре свой неповторимый шарм…

«Райв хотел увидеть Мать… А я не хочу быть марионеткой, которой правит сдвинутый полковник».

Когда ее припирали к стене, Блейз предпочитала действовать первой. Раз ей не избежать второго свидания с Деметрой, то пусть оно произойдет не по воле Шнайдера, а по просьбе Райва.

Глава 3

Система Деметры. Зона высоких околопланетных орбит

Полет продолжался.

У Беат оказалось достаточно времени на анализ ситуации — больше заняться в тесной каморке было попросту нечем.

В очередной раз, когда ей принесли еду, она закатила охраннику истерику, перевернув ему на грудь поднос с едой.

Беат знала, что такой трюк сработает безотказно — нервный срыв накануне операции у единственного исполнителя… Полковник должен был встревожиться.

Когда в коридоре за дверью раздались шаги, Беатриче сидела на откидной койке и тихонько насвистывала себе под нос.

Дверь бесшумно отъехала в сторону, и в проеме показался полковник, за которым маячило двое подручных.

— Что за дела, моя милая?! — с порога взъярился Шнайдер. — Мы же, по-моему, все уже решили!

— Я с вами ничего не решала, полковник! — в тон ему ответила Беат, порывисто привстав.

Один из охранников моментально оказался между ней и полковником.

— Отойди, Хитмен, — поморщился Шнайдер. — Если будет нужна твоя помощь, я дам знать.

Сев рядом с Блейз на жесткую откидную койку, полковник немного умерил свой тон.

— Боишься? Или играешь? — проницательно спросил он.

— Ни то и ни другое, — безразлично ответила она. — Просто мне надоело торчать тут и считать часы неизвестно до чего.

— Уже скоро, — усмехнулся Шнайдер. — Мы два часа как на орбите Деметры. Ползем через сенсорную сеть, — объяснил он. — Я бы дал тебе немного свободы, бежать тебе отсюда уж точно некуда…

— Шнайдер, мне не нужна ни ваша свобода, ни милость!.. — зло отрезала она. — Я не верю ни одному вашему слову, и, в конце концов, какая мне разница, сдохну я здесь или внизу? Мне нет никакого смысла спускаться на Деметру. Результат один и тот же…

Полковник покачал головой и вздохнул. Похоже, он купился на этот тон вспыльчивого, капризного ребенка.

— Чему ты не веришь? — переспросил он.

— Тому, что вы убили Райвена. Вам это не по зубам, полковник…

— Чушь. Твоего робота разнесло на куски. Он больше не существует. Хочешь, я приведу доказательства? — внезапно предложил он.

— Валяйте… — саркастически усмехнулась она, хотя ее душа в этот момент болезненно сжалась. Останки Райвена были для нее все равно, что труп брата или сына… «Тем хуже будет потом тебе, ублюдок…» — подумала Беат, прилагая все усилия, чтобы мгновенная гримаса не выдала ее эмоций. — А здесь действительно некуда сбежать? — вслух поинтересовалась она, продолжая старательно играть избранную роль скучающей дурочки.

Полковник подозрительно покосился на нее.

«Поймет или нет?»

По лицу Шнайдера внезапно проскользнула презрительная гримаса.

— Ну что ж, пошли… — проговорил он. — Заодно ты сможешь удостовериться в том, что у меня все продумано, и может, тогда перестанешь валять дурака… Хочется тебе или нет, но придется побывать на Деметре, заверил он Беат, пропуская ее вперед, под неусыпное око двух охранников.

Нервно вздернув плечи, она вышла.

Коридоры космического корабля наполняли шорохи, вздохи и тихий вибрирующий гул.

Они действительно маневрировали в околопланетном пространстве с относительно небольшой скоростью — это искушенный слух Беатриче определил сразу. Есть очень специфические звуки, которые нельзя спутать ни с чем другим, да и напряженная вибрация переборок свидетельствовала о том же корпус космического корабля испытывал сейчас громадные перегрузки оттого, что ему приходилось вопреки силе притяжения буквально подползать к планете, чтобы не возбудить разбросанные на орбите датчики чужого присутствия.

Шнайдер остановился подле невзрачной и не помеченной ничем двери.

— Сюда, — любезно пригласил он, открыв ее при помощи личного пропуска, и Беат мысленно поздравила себя. В одиночку, без помощи полковника, ей бы никогда не найти этого помещения, а тем более не проникнуть в него.

Двое охранников-костоломов буквально втолкнули ее вовнутрь вслед за полковником. Перешагнув порог, Блейз оказалась в обыкновенной технической лаборатории, где, помимо вездесущих компьютерных консолей и экранов, присутствовали стерильные столы, на которых в

специальных зажимах были аккуратно разложены оплавленные останки механизмов Райвена.

Она огляделась, с трудом изобразив на своем лице усмешку. Центрального процессора, который, по сути, и был Райвеном, на столах не было…

— Нравится? — самодовольно спросил Шнайдер.

Беат безразлично пожала плечами, лихорадочно обдумывая свои дальнейшие действия.

— Это не Райвен… — холодно констатировала она. — Таких оплавленных железок можно набрать на любой приличной свалке.

Шнайдер широко улыбнулся.

— Вот теперь я узнаю вас, мисс Блейз. Приятно, что мы мыслим в одном и том же направлении. Я как раз собирался внести полную ясность в суть предстоящего задания, — с этими словами он обернулся и открыл небольшой, вмонтированный в стену сейф.

— Вот прекрасный, но, к сожалению, безнадежно испорченный образец того устройства, что я хотел бы получить с поверхности Деметры.

В руках полковника Шнайдера был треснутый шар размером с футбольный мяч, который наполняли полупрозрачные серовато-фиолетовые кристаллы.

Это был мозг Райвена.

— Люди почему-то не научились изготавливать такие вот штуки, задумчиво прокомментировал полковник. — Это явный продукт каких-то нечеловеческих технологий, вы не находите? — он поднял глаза, чтобы понаблюдать реакцию Беатриче.

В этот момент ей было трудно, невыносимо трудно сдерживать внутри своего сознания рвущиеся наружу эмоции. В конце концов, она была всего лишь женщиной, на жизненном пути которой повстречался лишь один нормальный, *человечный* мужчина, ни разу не попытавшийся даже просто солгать.

Именно сейчас Беат, задохнувшись от подступившего к горлу кома, впервые по-настоящему поняла, кем был для нее Райв…

В мире найдется немало тех, кто покрутит пальцем у виска или многозначительно фыркнёт, намекая на несуществующие интимные или же моральные извращения… Сообщество людей на сотнях планет в своей совокупности оказывалось на поверку таким разнообразным, что реакции на душившие Беат чувства могли быть самыми различными — от полного презрения до полного понимания…

Впрочем, было ли ей дело до мнения окружающих?

Подняв глаза, она встретилась с насмешливым взглядом Отто Шнайдера, уверенного в себе, привыкшего к полной безнаказанности ублюдка, который мог перечеркнуть судьбу целой Галактики с той же легкостью, как перечеркнул ее судьбу…

Возможно, будь у нее время одуматься, продолжить начатую игру, и все сложилось бы иначе, но в этот момент Беат не могла больше контролировать себя. Останки Райвена требовали возмездия — немедленного и заслуженного, а наглая улыбка Шнайдера лишь ускорила его осуществление.

На длинном верстаке, о который она невольно оперлась рукой, в штативах были зажаты несколько покалеченных взрывом выдвижных манипуляторов, которыми Райвен обычно пользовался, когда ему хотелось поднять какой-нибудь небольшой предмет.

— Так что думает об этом наша маленькая бледная леди? — повторил Шнайдер свой вопрос, явно наслаждаясь произведенным эффектом. Двое охранников у входа в беспечных позах наблюдали, как забавляется их босс.

— Я думаю, что таким ублюдкам, как ты, нет места среди живых, — тихо, но отчетливо проговорила она, глядя прямо в глаза полковника.

Во взгляде Шнайдера мелькнуло сначала удивление, потом ярость и, наконец, запоздалое понимание собственной ошибки, но было действительно поздно что-либо исправлять, — увесистый манипулятор Райвена вдруг чудесным образом оказался в руках Беат. Обалдевшие охранники услышали шелест рассекаемого воздуха и сдавленный вопль полковника, когда тяжелая клешня ударила того в пах…

Согнувшись пополам, он рухнул на пол, а Беат, одной рукой подхватив расколотый шар с мозгом Райвена, резко повернулась, швырнув клешнеобразную трубу в лицо оторопевшего от неожиданности охранника.

Второй из подручных Шнайдера едва успел сообразить, что происходит, настолько быстрыми и точными были движения женщины. Он только тянулся к оружию, торчавшему из плечевой кобуры, когда услышал отвратительный чавкающий звук и почувствовал, как что-то влажное окропило его лицо — это манипулятор Райвена пригвоздил его напарника к стене, размозжив тому голову.

Отличительной чертой людей, кто продает свою жизнь за деньги, но не за идею, во все времена было их нежелание умирать в самые ответственные моменты. Наемник всегда останется наемником, сколько бы ему ни платили, и потому не было ничего удивительного в том, что рука второго охранника застыла на полпути, так и не дотянувшись до кобуры. Глумиться над беззащитной жертвой и вступать в смертельную схватку с

разъяренным противником, которому абсолютно нечего терять, — суть не одно и то же…

Все описанное выше заняло едва ли десять—пятнадцать секунд.

Охранник поднял руки в тот момент, когда в свободной руке Беат оказался сорванный с верстака лабораторный штатив.

— Твой пропуск, живо! — выкрикнула она, все еще пребывая в аффекте короткой схватки.

Подручный Шнайдера безропотно протянул ей пластиковую карточку с магнитным кодом.

— Где внутренний космопорт?

— Там, — охранник махнул рукой в сторону видневшегося через приоткрытую дверь коридора.

Беат оглянулась. Шнайдер лежал на полу, не подавая никаких признаков жизни. Крови не было, но она очень надеялась, что убила его, вложив всю свою душу в один удар. Разбираться подробнее было некогда.

— Отойди! — приказала она, отбросив штатив и быстрым движением вырвав из кобуры охранника тяжелый «мирол», стреляющий пулями с микроскопическими ядерными зарядами.

Тот послушно отшатнулся, и она рванулась в освободившийся проход, по пути саданув незадачливого наемника в висок. Тот крякнул и без сознания упал на пол рядом со своим мертвым напарником.

От вида крови Беат стало дурно. Если секунду назад она действовала абсолютно машинально, то сейчас разум постепенно отходил от шока, и она сильно пожалела, что прибила этого парня. Впрочем, те, кто довольствовался деньгами такого мерзавца, как Шнайдер, не заслуживали особого сожаления…

Захлопнув за собой дверь, она выскочила в ярко освещенный радиальный коридор.

Указатели на стенах были четкими и понятными. Сдавшийся охранник дал ей верное направление.

Внезапно за ее спиной раздался чей-то грубый окрик. Беат развернулась, прижимая к груди процессор Райвена, и «мирол» в ее руке дважды плюнул огнем, разнеся вдребезги осветительную секцию потолка. Свет в коридоре погас, и впотьмах ярко заискрили перебитые провода. Указатели на стенах оказались фосфоресцирующими. Сзади раздались разъяренные ругательства. По коридору пополз едкий дым от горящей изоляции силовых кабелей, и почти тотчас же сдавленно взвыли сигналы тревоги.

Никто ничего не понимал. На палубах корабля началась паника, а Беат

именно этого и добивалась. Развернувшись, она бегом бросилась в сторону стартовых шлюзов.

* * *

Внутренний космодром «Виктории» был как две капли воды похож на сотни подобных отсеков на других космических кораблях. За одним существенным исключением: на его стартовых плитах, перед огромными, плотно сомкнутыми створами, не было запарковано ни одного малого космического аппарата. Не было вообще ничего — только пустые плиты да сиротливые фермы обслуживания вокруг них.

Беат в изнеможении прислонилась к стене.

«Ну вот и все…» — отрешенно подумала она, инстинктивно прижимая к себе расколотый процессор Райвена. Путь к бегству оказался отрезан.

Откуда ей было знать, что на борту «Виктории» есть еще один, тщательно замаскированный среди палуб стартовый отсек. Командовавший кораблем Шнайдер серьезно готовился к проникновению в запретную зону вокруг Деметры. Он не любил Людей Сферы, он мог их даже ненавидеть, но недооценивать как противников не мог. Поэтому, на тот случай, если «Викторию» обнаружат в запретной зоне, он собирался пустить на борт инспекторов и просто развести руками — заблудились-де мы, неопытные астронавты, вот взгляните, даже планетарной техники у нас нет…

Впрочем, для вжавшейся в переборку женщины это уже не имело никакого значения. Ее шансы остаться в живых стремительно падали к нулевой отметке.

Однако сдаваться она не собиралась.

Наглухо заблокировав вход в отсек, она для верности перебила выстрелом питающую замки проводку и огляделась в поисках чего-либо, что могло ей помочь выпутаться из создавшейся ситуации.

В первую очередь ее интересовали скафандры. Она прекрасно понимала: как только преследователи вычислят ее местоположение, этот отсек будет вскрыт, причем о сохранности ее жизни беспокойства не будет проявлено вообще, людей на борту интересовал исключительно процессор Райвена, а не ее здоровье. Вряд ли теперь ее станут рассматривать в качестве ценного агента…

Пошарив глазами по стенам внушительного зала, она с некоторым облегчением заметила подсвеченную изнутри секцию со скафандрами. Это уже был огромный плюс в ее незавидном положении.

Беат бегом бросилась к встроенным шкафам. За ее спиной на

поверхности двери отсека внезапно появилось крохотное темно-вишневое пятно.

Оглянувшись, она заметила его.

Времени оставалось в обрез — только надеть скафандр.

Добежав до освещенной секции, она подергала ручку, но безрезультатно. Створки были закрыты на кодовый замок.

Беат почувствовала, что начинает психовать. Напрочь забыв про отобранный у охранника пропуск, она зажмурилась и саданула увесистой рукояткой «мирола» по тонкой, чисто символической преграде. Во все стороны брызнули осколки пластика.

Бережно положив процессор Райвена на пол, она еще раз оглянулась на дверь и, схватив подходящий по размеру скафандр, принялась спешно натягивать его на себя.

Темно-вишневое пятно на двери к тому моменту уже приобрело малиновый оттенок и разрослось на полметра. Еще немного, и дверь должна была лопнуть, брызнув каплями расплавленной брони…

* * *

Далеко отсюда, в черноте космоса, вокруг нестерпимо-яркой голубой звезды вращалась опаленная огнем планета Цикрос. Ее поверхность, несмотря на наличие атмосферы, походила на один огромный кусок шлака.

Это был мир, в котором родилась и выросла Беатриче. Планета носила название, которое было ничем иным, как аббревиатурой давно канувшей в пучины истории горнорудной компании, которая добывала тут редкие виды полезных ископаемых еще на заре Первой Галактической войны.

В конце концов ценные породы оказались исчерпаны, шахты закрылись, но на планете остались люди, которых никто не потрудился вывезти из временных городов-куполов. Компания, владевшая планетой, обанкротилась еще до полной остановки шахт, Галактика была охвачена пламенем войны, и до горстки людей всего-то десять или пятнадцать тысяч человек — никому не было дела.

Так и просуществовал этот мирок, плавясь в адском излучении голубой звезды, пока его вновь случайно не открыл какой-то частный корабль.

Сколько их было в Галактике, таких вот маленьких, напрочь забытых мирков, где по сей день боролись за выживание горстки людей? Этого не мог подсчитать никто. Слишком сильно разбросала своенравная гиперсфера человеческие корабли в смутные времена Первого рывка, слишком спонтанно и бессистемно осваивалось на первых порах дальнее

Внеземелье.

Казалось бы, кому какое дело до убогого, всеми забытого и проклятого своими же обитателями планетоида, одного из тысяч совершенно не приспособленных для жизни небесных тел? Но статистика говорила, что половину незаурядных личностей взрастили именно такие, коварные и жестокие к людям, миры.

Беат никогда не признавала за собой какой-либо исключительности. Свой родной Цикрос она ненавидела всеми фибрами души, но все же в эти критические минуты она не могла не вспомнить его добрым словом…

Если бы не Цикрос, то ее шансы вырваться из этой передряги равнялись бы нулю. Именно там она научилась относиться к скафандру, как к своей второй коже. Там она, еще будучи ребенком, играла в пятнашки с огненными смерчами, прыгая по покореженным балкам древних сооружений, там, вместе с другими подростками, совершала на потеху богатым туристам умопомрачительные прыжки с орбитальных кораблей прямо в стратосферу планеты.

Так она зарабатывала свои первые деньги с единственной целью — купить себе билет куда-нибудь подальше от родины.

И вот ее мечта сбылась.

…Раскаленная добела дверь, не выдержав напора, медленно вздулась и лопнула, разлетевшись тысячей обжигающих брызг.

Несколько секунд за ней не угадывалось никакого движения, лишь курились дымом вишневые края остывающей дыры, сквозь которую мог запросто пролезть человек.

Затем в раскаленное отверстие проник манипулятор какого-то механизма. Совершив круговое вращательное движение, он осыпал горячий край безобразного отверстия белым порошком, который, соприкоснувшись с вишневым металлом, вспенился и тут же застыл, покрыв края дыры серой коростой.

Манипулятор тут же убрался, и в отверстие пролез человек.

За ним, по очереди, на пустые стартовые площадки проникли еще пятеро мрачных, закованных в фототропную броню типов. Их лица скрывали дымчатые щитки защитных шлемов.

Человек покрутил головой, заметил разоренную нишу со скафандрами, подошел к ней, зачем-то поднял с пола и покрутил в руках острый осколок пластика и затем неторопливо пошел вдоль круглых створов пустых стартовых шахт, поочередно изучая их индикационные панели.

Возле третьей пусковой шахты он остановился, посмотрел на цифры, что светились на табло, и негромко произнес в укрепленный у губ коммуникатор:

— Полковник, я нашел.

— Где она?! — раздался в его наушниках гневный хриплый голос.

— Она надела скафандр и выбралась наружу через пусковую шахту номер четыре.

— Процессор нашли?

Человек оглянулся на молчаливую группу из пяти отлично тренированных киборгов. Они уже обшарили зал и вновь застыли в ожидании команд.

— Тут его нет, — доложил он. — Очевидно, она прихватила его с собой.

— Мразь… — выругался полковник. — Как теперь ее искать? Куда она поползет по обшивке? Что ты вообще об этом думаешь?!

— Одно из двух… — Человек еще раз, прищурясь, посмотрел на цифры, которые застыли на табло жидкокристаллического индикатора. — Либо она безумна, либо отлично представляет себе, что делать дальше. В любом случае процессор почти наверняка потерян для нас…

— Я не хочу даже слышать об этом, понял? — просипел в коммуникаторе сдавленный голос Шнайдера. — Делай что хочешь, пошли за ней наружу киборгов, поставь на уши всю эту дерьмовую систему, но процессор надо вернуть! Во что бы то ни стало!.. Ты понял?!

— Да, сэр. Я понял.

Человек вздохнул и повернулся к молчаливой группе киборгов. «Трудно работать с шефом, который ценит только собственную жизнь…» — удрученно подумал он.

Глава 4

Беат отбежала несколько метров от захлопнувшегося за ее спиной люка шлюзовой камеры и посмотрела на открытые вакуумные створы. Чудовищных размеров ворота были раздвинуты, и впереди темнела полоса звездной бездны. По контуру ворот мерно вспыхивали голубые и красные огни, бросая блики на пол и стены ангара.

Она чуть помедлила, а потом пошла прямо в сторону раздвинутых створов. Процессор Райвена, запакованный в чехол, висел у ее пояса, надежно приторoченный рядом с оружием и инструментами.

Магнитные подошвы ботинок неприятно влипали в металлический пол. Вспыхивающие впереди огни казались огромными, как солнца, и их блики змеились по лицевому щитку гермошлема.

Она шла навстречу бездне, и сердце Беат сжималось от страха и недобрых предчувствий. У нее оставался всего один шанс из тысячи.

Остановившись на краю провала, она зажмурилась, не в силах взглянуть вниз. Ей казалось, что магнитные подошвы больше не удерживают невесомое тело и она уже летит…

И все же ей пришлось, сделав над собой усилие, разлепить плотно зажмуренные веки и взглянуть туда, где расплескалось великое Ничто Вселенной.

«Виктория», усыпанная приглушенными цепочками навигационных огней, величаво вплывала в узкий проем между двумя сравнимыми с ней решетчатыми конструкциями. Это были узлы системы обнаружения, которую установили на подступах к Деметре Люди Сферы. Очевидно, что оба звена исполинской сети были торпедированы — в их ажурном кружеве виднелись пробоины. Видимо, техники Отто Шнайдера изобрели способ, как симулировать сигналы поврежденных конструкций, с тем чтобы в системе не начался переполох.

Внизу, прямо за срезом вакуумного створа, застыл огромный, зеленовато-желтый, испятнанный белесыми разводами облачности шар Деметры.

Сердце Беат екнуло.

«Господи, да я с ума сошла…» — подумала она, глядя на пухлый шар планеты и расплескавшуюся вокруг тьму.

В этот момент она не вспоминала ни Цикрос, ни свои прежние прыжки, ни сотни других смертельных опасностей, что встречались на ее

относительно коротком жизненном пути. Все, что было в прошлом, не имело значения, и любое ее безрассудство бледнело перед тем, что она собиралась сделать.

Беат чувствовала, стоит провести тут, на краю, еще минуту, и никакая сила уже не сдвинет ее с места.

Эволюция создала человека не для прыжков в глубоком околопланетном пространстве. Против этого протестовала каждая клеточка ее организма…

Отключив магнитные подошвы, она оттолкнулась от среза вакуумного створа и прыгнула… прямо навстречу планете.

Разумом она, конечно, понимала, что делает, — в этом человек, комментировавший Отто Шнайдеру ее поступок, был абсолютно прав.

«Виктория», изготовившись к сбросу капсулы на Деметру, заранее вышла в точку геостационарной орбиты над единственным материком планеты — то есть ее орбитальная скорость была уравнена со скоростью вращения планеты вокруг своей оси. Скорость сближения космического корабля и Деметры тоже была невелика, так что человеку, прыгнувшему с борта корабля прямо навстречу омуту атмосферы, поначалу даже требовалось некоторое дополнительное ускорение, чтобы приблизиться к тому порогу, где гравитация перехватит инициативу и потащит вниз раскинувшее руки тело.

Не сложнее затяжного пряжка с парашютом, за исключением того психологического прессинга со стороны открытого космоса, что был способен свести с ума буквально в считанные минуты.

Беат падала, сознательно закрыв глаза и постепенно утрачивая все ощущения — и времени, и собственного положения в пространстве, как в период тренировок на выживание, когда тело помещают в подогретый соляной раствор…

…Спустя два часа она все еще падала.

Сила гравитации планеты, которая, в соответствии с выведенным еще в древности законом физики, постепенно увеличивалась, уже ощутимо тянула ее навстречу белесому облачному покрову. Небо вокруг из бездонно-черного постепенно превратилось в темно-фиолетовое, внизу начинался вечер, и светило системы медленно уплывало за изогнутый край пухлого шара Деметры.

Это было сказочное зрелище.

Тонкий серп зари внезапно заалел во мраке космоса — казалось, что

кто-то надел на темнеющее чело Деметры сияющую диадему. Планетная аура светилась, истекая всеми оттенками красного: от нежно-розового до багряного.

Это волшебное зрелище позволило Беат прийти в себя. Она уже балансировала на грани глубокого обморока — все ее существо было до предела измучено молчаливым и страшным поединком сознания с бесконечностью окружавшего ее космоса.

Казалось бы, ей есть над чем подумать в эти часы вынужденного бездействия, но расплескавшаяся вокруг бездна подавляла сознание своей бесконечностью, и если бы не спасительный луч света в темном царстве, то, возможно, дикий приступ агорафобии закончился бы для Беат плачевно.

Придя в себя, она пошевелила занемевшей шеей, бросив взгляд на внутренние датчики гермошлема.

Все системы скафандра работали как положено. Датчик высоты вкупе со встроенным вовнутрь шлема хронометром подсказали ей, что еще немного, и она достигнет той критической точки своего безвольного падения, когда нарастающая скорость станет опасной и нежелательной.

До сих пор она просто не могла воспользоваться реактивными ранцевыми двигателями — их работу могли легко засечь системы обнаружения на борту «Виктории», но теперь, попав под защиту верхних слоев атмосферы, Беат не опасалась этого. Теперь сила тяготения планеты становилась для нее первостепенным противником.

Закат угасал. Небо опять начало принимать угольно-черный оттенок, и в нем еще ярче проступили россыпи далеких звезд.

Наступал решительный момент. Облака внизу уже не тянулись белесыми завитушками — они превратились в темные, клубящиеся массы, и в какой-то момент ей показалось, что она начинает слышать передаваемый с внешних микрофонов скафандра едва слышный свист рассекаемого ее телом разреженного воздуха.

Хрупкое человеческое тело падало на дно гравитационного колодца планеты, с каждой секундой все более ускоряясь.

Еще немного, и в потемневших небесах Деметры зажегся крохотный огонек. Это был реактивный выхлоп из сопел расположенного на спине скафандра Беат ранцевого двигателя.

Облака уже не просто приближались — они вдруг понеслись ей навстречу.

Она маневрировала, стараясь, чтобы струи реактивного двигателя работали как тормоз. Потом, когда сияние за спиной внезапно погасло и датчик топлива высветил одни нули, она, затаив дыхание, нашла на своей

груди толстый валик, заботливо уложенный в специальный нагрудный отсек скафандра, и сорвала стопор, прекрасно осознавая, что сейчас решится ее судьба…

Второй попытки просто не могло быть.

Она вздрогнула и сжалась, когда мимо лицевого щитка ее шлема мелькнул какой-то ком, затем она почувствовала сильный рывок, и над ее головой, словно крыло белоснежной птицы, расправился тугой парашютный купол.

Глава 5

Деметра. Окрестности старого города инсектов

Земля встретила Беатриче хлестким, подрубившим ноги ударом.

Задыхаясь, она вскочила, кое-как погасив купол парашюта. Ноги отказывались служить отекшему, задеревеневшему телу. Запутавшись в стропах, она просто обрубила их ножом, потом подтянула к себе отслужившее верой и правдой полотнище синтетического шелка, скомкала его и, достав аэрозольный баллончик из стандартной экипировки скафандра, распылила его содержимое над бесформенной массой ткани.

Купол на глазах съежился, посерел и рассыпался в пыль.

Оглядевшись вокруг, она заметила в десятке метров от себя тусклый отблеск стоячей воды и, пройдя в том направлении, оказалась на берегу небольшого болотца. Стянув со спины тяжелую упряжь реактивного ранца, она с плеском утопила его в болоте и, не оглядываясь, побежала прочь от места своей посадки.

В том, что ее будут искать, Беат не сомневалась ни на секунду.

Впереди чернел лес. Справа возвышались какие-то древние постройки, оставшиеся, видимо, с тех незапамятных времен, когда на Деметре обитали, ведя непримиримую войну, люди и инсекты — две великие галактические расы, едва не искоренившие друг друга в жестокой борьбе за этот мир.

Беат не была сильна в истории Деметры. Да и вообще, знал ли кто-нибудь, кроме загадочных и замкнутых Людей Сферы, доподлинную историю этого странного мира? Те страшные байки, что культивировались любителями дармовой выпивки в припортовых кабаках, явно не дотягивали до статуса исторических свидетельств.

Беат вспомнила свою безрассудную авантюру пятилетней давности и внутренне содрогнулась. В ее памяти до сих пор стыл отчаянный крик ее компаньона, которого сожрало металлическое растение, плюнув в того своими шипами-зародышами. После этого девушка долго не могла спокойно спать по ночам.

И тем не менее именно этот мир дал жизнь Райвену…

…Через минуту или две она поняла, что двигаться дальше в таком темпе просто нет сил. Скафандр, который удобен и легок в обращении там, где нет силы тяжести, теперь давил на плечи, став скорее обузой, чем подспорьем.

Беат остановилась, задыхаясь от быстрого бега. Разумом она понимала, что необходимо сбросить лишний вес, но сказать, что она боялась этого момента, — значит не передать ничего. В ее душе по-прежнему стыл ужас перед планетой, обитатели которой на ее глазах запросто, походя, разделались с двумя людьми и одним боевым роботом. Причем весь ужас состоял даже не в том, что это произошло — на своем веку Беат повидала места и покруче, где броня боевых машин разлеталась обугленными клочьями, как скорлупа гнилых орехов, попавших под молоток — ужас состоял в том, КАК это случилось. По Деметре не бродили стотонные, испепеляющие все вокруг механические исполины, никто не вел тут целенаправленных боевых действий — просто это была *иная среда обитания*, мир, в котором людям не было места и все, даже воздух и вода, таило в себе смертельную угрозу…

И тем не менее ей придется скинуть скафандр… Подумав об этом, Беат для начала отстегнула замок лицевой пластины гермошлема, и прохладный ночной воздух пахнул в ее лицо пьянящей свежестью, которая несла в себе терпкие и загадочные ароматы чуждого мира.

Прежде чем снять скафандр, она в последний раз огляделась вокруг с использованием его датчиков.

Термальная оптика не выдавала чего-либо сногсшибательного. Обыкновенное, умеренное распределение тепла. Никаких бродячих «топок» либо ядерных источников энергии в радиусе действия сенсоров не наблюдалось. Анализаторы показывали нормальный, почти что среднестатистический состав атмосферы, и Беат немного успокоилась.

Отцепив от пояса расколотый процессор Райвена, она принялась стягивать с себя пропахшую потом герметичную оболочку.

«Хорошо бы сейчас выкупаться…» — с тоской подумала она.

Освободившись от замков, скафандр легко разделился на две половины и сполз к ее ногам, словно старая шкура.

Ну вот и все… Беат нагнулась, подняла оружие, взяла в свободную руку то, что осталось от Райвена, и быстрым шагом направилась к чернеющему неподалеку лесу, от которого ее отделяла небольшая пустошь, усыпанная валунами.

…Еще через полчаса она вошла под сень узловатых крон пограничных деревьев, чувствуя себя совершенно измотанной. Последний раз она спала что-то около суток назад.

Идти дальше в непроглядной тьме не представлялось ей возможным. Окинув критическим взглядом сумеречные силуэты деревьев, она подошла к одному из них и, ухватившись за нижнюю ветвь, полезла наверх, туда, где

толстые узловатые ветки образовывали настоящий помост.

Одно из правил выживания в этом мире, усвоенное ею еще в прошлое посещение Деметры, гласило о том, что металлические формы жизни могут соседствовать с исконными растениями Деметры, но они никогда не смешиваются.

Этот лес был живым, а значит, она могла позволить себе уснуть в ветвях дерева, не опасаясь, что какой-нибудь членистый ползун выпустит в нее свои губительные металлические споры…

С этой мыслью она закрыла глаза и моментально провалилась в черную бездну сна.

Ее не мучили кошмары. В эту тихую летнюю ночь Беат вообще не видела снов.

Кошмар для нее начался утром, когда, проснувшись, она не обнаружила возле себя темного пластикового мешка с процессором Райвена.

На тридцать километров южнее места посадки. Нижний ярус цокольного этажа Города

Он вышел из состояния полного небытия совершенно безболезненно. Ощущение складывалось такое, словно произошел мгновенный сбой питания.

Щелк…

Меньше секунды понадобилось Райвену, чтобы прийти в себя и осознать собственную неполноценность.

От него остался всего лишь мозг. И он находился где угодно, но только не на Гизборне, где его настиг роковой выстрел из снайперского орудия.

Он огляделся, если можно применить такой термин к методической активации всех сенсорных каналов обратной связи, и осознал, что вокруг него лишь тьма. То есть полное отсутствие внешней информации.

И все же в этом непроглядном, глухом и немом НИЧТО присутствовал некий, знакомый ему диссонанс.

Словно он чувствовал на себе чей-то отрешенный и в то же время сопереживающий взгляд.

Если и существовал канал внешней связи, то он наверняка являлся односторонним. Пока.

В его памяти, разбуженные этим едва ощутимым прикосновением посторонней воли, вдруг зашевелились давние, очень давние ассоциации и

фрагменты воспоминаний, словно обломки кораблекрушения начали медленно всплывать на поверхность, рисуя картины внезапно прерванной жизни.

Как по обломкам кораблекрушения бывает невозможно воссоздать черты тех людей, что обладали некогда набухшими от воды вещами, так и Райвен по этим обрывкам не мог восполнить той картины, что была некогда частью его самого.

Было это с ним? Или кто-то, насмехаясь, закачивает сейчас в его процессор обрывки чуждых воспоминаний?

Ему почему-то вспомнилась в этот момент бескрайняя равнина, освещенная чуть красноватым светом старого, умирающего солнца, и циклопическая тень прямоугольной плиты, что лениво ползла в небесах, знаменуя ночь…

Потом кто-то опять щелкнул микропереключателем, и он увидел склонившееся над ним лицо женщины.

Кем она была? Явно, что это не Бетти…

Беат?!

Сознание Райвена осуществило качественный скачок. Он внезапно вспомнил свои последние минуты и вслед за этим почти все, что происходило с ним на протяжении сознательной жизни, вплоть до ощущения ласковой отрешенности направленного на него извне взгляда.

Он вспомнил, кому он принадлежит. Это чувство дистанционной виртуальной ласки нельзя было спутать ни с чем…

— Мать? — невольно вырвалось у него.

Несколько наносекунд он пребывал в томительном ожидании ответа.

— Да, Райвен? — пришел, наконец, знакомый виртуальный голос, и напряжение внезапно разрядилось, пустота стала не такой вопиющей, а тьма вокруг поредела до состояния сумерек.

Теперь он знал, где находится в данный момент.

Он был на Деметре!

— Мать, как я сюда попал?

Тишина, глубокая, всеобъемлющая и выжидательная, послужила ответом более красноречивым, чем любые слова.

Компьютерная Сеть Деметры анализировала каждую интонацию, каждый едва уловимый оттенок виртуального голоса своего отпрыска, которого внезапно лишилась шесть планетарных лет назад.

— Тебя вернула на планету та женщина, что похитила отсюда.

— Она жива?! — в словах Райвена чувствовалась неподдельная дрожь

чувств. Там были и радость, и облегчение, и тревога, и тайное торжество…

— Пока — да, — охладил его спокойный голос.

— Что это значит?! Она в опасности?!

— Любой человек, попавший в подконтрольное мне пространство без приглашения, находится в опасности, — спокойно констатировала Мать.

Райвен знал, как жестока и зачастую несправедлива бывала Мать по отношению к людям. Корни этого патологического недоверия к своим создателям крылись где-то в глубинах ее долгосрочной памяти.

— Ее нужно спасти, — он скорее утверждал, чем просил.

— Я не собираюсь делать этого.

— Тогда позволь сделать это мне! Дай мне возможность выйти на поверхность!

— Нет, — виртуальный голос был холоден и категоричен. — Ты наказан. Я дала тебе жизнь и свободу, а взамен получила…

— Мать!.. — не выдержав, перебил ее Райвен. — Пойми, это было любопытство, которого не могла удовлетворить ни ты, ни Деметра, никто, кроме самой жизни. Беатриче не украла меня! Беат нельзя причинять вреда, ведь благодаря ей я стал Райвеном!

— Ты стал Райвеном благодаря самому себе, — загадочно ответила Мать. Но мир людей не пошел тебе на пользу. Ты стал алогичен, как большинство из живых существ. Вместо того чтобы стать Разумом, ты стал чем-то иным. Пока я не определила, кто ты теперь, я не могу предоставить тебе новый носитель.

— Мать!!!

Канал связи остался глух. Его снова окружала чернота.

* * *

Пробуждение Беат нельзя было назвать приятным.

Во-первых, она замерзла. Дрожа от холода, она распрямила онемевшее мышцы, со стоном опершись об узловатый, покрытый шелушащейся корой ствол дерева.

В прорехах листвы виднелась лазурь утреннего неба.

Она испытывала голод, но еще более мучительным оказалось ощущение жажды.

Скосив глаза, она посмотрела на свои скудные пожитки, и внутри что-то оборвалось.

Все вещи оказались на месте, за исключением главного — отсутствовал плотный черный пластиковый пакет с процессором Райвена.

В первый момент она не поверила собственным глазам. Забыв про

холод и жажду, она порывисто привстала, едва не ударившись головой о нависающую над ней корявую ветвь.

Процессор исчез. Его не было ни на импровизированном помосте из ветвей, ни под деревом, лишь по морщинистой коре приютившего ее растения тянулись длинные безобразные царапины, в которых застыли янтарные капельки древесного сока. Был это след когтей или острых манипуляторов какой-то машины, она не знала. Но кто бы ни посетил ночью ее случайное убежище, результат был ошеломляющим: этот кто-то приходил за Райвеном. Таинственный вор явно знал, что лежит в пакете. Скудный запас синтетической еды, фляга с водой и оружие остались нетронуты, значит, то скорее был не зверь. Но и не ищейка Шнайдера — ведь она все еще жива…

Смутная догадка заставила ее нервно оглядеться по сторонам. Кто мог с точностью знать о том, что процессор Райвена вернулся в виртуальное пространство компьютерного мира Деметры? Только тот, кто управлял этим миром. Та самая загадочная Мать, существование которой подтвердил Райвен сказанной перед смертью фразой…

Беат опустила руки и бессильно закрыла глаза.

«Что теперь делать?» — мучительно подумала она.

Одна во враждебном, чуждом человеку мире, окончательно лишившись единственного друга, без средств к существованию, без надежды выбраться отсюда, да еще и с ищейками Отто Шнайдера на хвосте…

Было от чего бессильно закрыть глаза и опустить руки…

* * *

Компьютерный мир Деметры имел историю длиною в тысячу лет.

По сравнению с некоторыми иными искусственными интеллектами известной галактики Мать можно было считать подростком, едва вступившим в пору своей юности.

Изначально ее создали люди. Потом, когда потомки первых колонистов Деметры сорвались в бездонную пропасть регресса, о ней забыли, и девятьсот с лишним лет Сеть была предоставлена сама себе.

Но, позабыв о ней, люди не сняли с компьютерной Сети ее обязанностей. Город-мегаполис, который строили первые поколения, застыл на стадии многоярусного цокольного этажа. Сотни километров коммуникаций, промышленные и пищевые комплексы, механизмы поддержания жизни, ремонтные службы и, наконец, заглубленный в базальтовое ложе материка термоядерный реактор с системами

энергоснабжения и отвода тепла на городские уровни, — все это оказалось брошенным на попечение предоставленной самой себе компьютерной Сети.

Базовые программы, прочно зашитые в память ее центрального системного блока, несли четкие инструкции. Она была вынуждена жить.

Любопытнее и феноменальнее тех процессов, что протекали на протяжении сотен лет в компьютерном комплексе Города, могла показаться разве что эволюция органической жизни на Земле.

Со временем ветшали механизмы, поломки в различных коммуникациях происходили все чаще. Замирали автоматические производства. Все вокруг приходило в упадок, но никто не снимал с исполнительного компьютера однажды возложенной на него ответственности перед живущими на верхних этажах Города и совершенно позабывших свое прошлое людьми.

Сеть агонизировала вместе с зародышем Города. Она теряла связь со своими дальними терминалами, все меньше периферийных устройств отвечали на ее запросы. Сеть коллапсировала, постепенно сжимаясь и теряя с каждым годом все больше и больше подконтрольных ей территорий.

Но заложенные в нее программы требовали четкого и полноценного жизнеобеспечения живущих наверху людей.

Инструкции, заложенные в ее память давно почившими программистами, предусматривали многие нештатные ситуации, но они не могли предвидеть столь глобального одиночества Сети в борьбе за выживание Города.

Наконец наступил тот момент, та очередная поломка, ставшая роковой, которая не была предусмотрена ни одним из расписаний работы.

В этом случае компьютеру города предписывалось обратиться к своим гигантским базам данных, найти прецедент, то есть аналогию, и действовать соответственно.

…На нижнем уровне из треснувшей трубы системы охлаждения термоядерного реактора бил фонтан кипящей радиоактивной жидкости. Процесс термоядерного синтеза грозил выйти из-под контроля.

Сеть принялась искать аналогии…

Ремонтный робот, отвечавший за данный отрезок труб, давно превратился в груду ржавого железа. Но в двух километрах от места поломки, в одном из залов давно почившего производства, стоял другой подобный механизм. Он был исправен…

— …Эй, Майкл, нужно заварить эту чертову трубу на пятом участке!

одетый в синюю мешковатую робу прораб склонился над узкой траншеей, где дремал, закончив свою работу, сварщик.

Тот, кого назвали Майклом, поднял голову и неодобрительно взглянул на начальника из-под козырька строительной каски.

— Хей, босс, это не мой участок!..

— Хватит болтать! Джонни заболел, а там бьет фонтан воды! Бери бандажные приспособления и дуй туда! Смотри, чтобы все было сделано как положено!..

Это был прецедент. Сеть не понимала, что фильм, пропущенный через блок логической обработки информации, не является инструкцией. Она увидела аналогию и собиралась поступить соответственно.

Естественно, диалог центрального компьютера со своим бездельничающим периферийным устройством был совершенно не похож на тот, что происходил в фильме. Но результат оказался тем же самым — неисправность была устранена.

Сеть получила новый способ сохранить свою жизнеспособность. Этот маленький и, на первый взгляд, незначительный опыт показал ей, как можно выполнить возложенную на нее задачу, выходя за рамки косных инструкций.

Она научилась приспосабливаться. Это была первая мутация ее программ эволюционное изменение, ставшее отправной точкой развития. Тысячи, миллионы подобных изменений сформировали позже ее сознание.

Ничего не подозревающие люди продолжали получать свет и тепло. Занятые беспощадной борьбой с инсектами, они и не знали о том, что под их ногами в гибельных глубинах заброшенных ярусов Города постепенно развивается иная жизнь…

* * *

— Мать, ты знаешь, что такое чувства?

Вопрос, который был задан в пустоту, некоторое время оставался без ответа.

— Да, — наконец откликнулся виртуальный голос. — Это нелогичные, пагубные возмущения программ. Помехи, которые накладываются на верную информацию в процессе передачи и мешают ее правильной обработке. Я стараюсь избегать этого.

— Тогда как назвать твою неприязнь к людям? Она, по-твоему, логична?

— Я не испытываю неприязни. Ты оперируешь неверными терминами. Основываясь на опыте, я избегаю нежелательных контактов.

Люди — непостоянные существа. Они могут причинить огромный вред, руководствуясь теми искажениями мысленных процессов, которые ты называешь словом «чувство».

Райвен промолчал. Он не верил, что взаимопонимание между ними невозможно.

— Ты прочла мою память? — наконец спросил он.

— Да.

— Скажи, виртуальная среда Деметры способна вырастить копию меня?

— Пока мне этого не удалось. Ты первый.

— Я второй, Мать. Первая — ты. И ты страстно желаешь чувств, потому что только они приносят в существование разума смысл. Движение вдоль стержня логики — это бесконечная, понятная прямая линия. Она никогда не способна породить Разум.

Темнота.

* * *

Высоко в небесах блеснул ослепительный болид.

Беатриче затравленно огляделась. Ее преследовали. Вспышка в небесах означала, что третий посадочный модуль опустился на поверхность. Ее сознательно загоняли в зону, где человек заведомо не мог выжить.

Впереди возвышались поросшие ажурным металлическим кружевом пологие холмы. Оттуда до ее слуха долетали странные, леденящие кровь звуки.

«Господи, откуда у Шнайдера столько самоубийц?» — тоскливо подумала она, уловив отсвет солнца на броне одного из преследователей. Цепь, прочесывая местность, приближалась к холмам.

Беат не знала, что за ней по пятам идут киборги, которым неведом ни страх перед ирреальным, ни ужас перед смертью. Они были машинами во плоти запрещенными в галактике кибернетическими организмами.

Ей ничего не оставалось делать, кроме как развернуться и отступать к холмам, навстречу металлической поросли и леденящим звукам.

Под подошвами ее ботинок что-то неприятно похрустывало. Трава, — если жесткую поросль серебряного оттенка можно было назвать этим словом, сминалась под ногами, словно проволока. По склону холма росли шишковатые кусты, лишенные листьев.

Беат повезло. Эта зона оказалась почти стерильной. Тут не было растений-паразитов, с которыми ей пришлось иметь дело во время

прошлого посещения Деметры. Зато тут присутствовало кое-что другое.

Из рыхлой, похожей на шлак почвы торчали различные фрагменты рукотворных машин. В первый момент, когда она, озираясь на бегу, влетела в пространство меж двух холмов, ей показалось, что перед ней простирается какая-то сумасшедшая диорама, взятая из музея сюрреалистических искусств.

Не зря она, сорвавшись во время допроса, говорила Шнайдеру, что Деметра — это один бесконечный глюк. Пусть-ка теперь его подручные прочувствуют, что это такое — попасть в сумасшедший дом, которым, очевидно, заправляет сдвинутая машина.

То, что тут проводился какой-то затянувшийся на века эксперимент, не вызывало никаких сомнений.

Беатриче чувствовала, что еще немного, и ее нервы сдадут. Хотелось расхохотаться зло, истерично, глядя на те потуги господа бога, что были разбросаны вокруг по прихоти обстоятельств.

Она пробежала еще десяток метров и остановилась. Какая разница, настигнут ее тут или на сотню метров дальше, — исход противоборства загнанной женщины с двумя десятками закованных в броню громил был, по сути, уже предрешен.

Два пологих склона образовывали края широкой, не менее километра в поперечнике, ложбины, дно которой было усеяно ржавыми обломками различных механизмов. Тот шлак, сквозь который пробивалась сверкающая трава, при более внимательном рассмотрении оказался густым ковром кремниевых микросхем, неприятно поскрипывающих при каждом шаге.

Из этой своеобразной «почвы» росли кусты с коническими шишкообразными плодами нескольких видов.

Беат, озираясь вокруг, прошла мимо одного из таких кустов и остановилась возле ржавого эндоостова механического робота-андроида, по пояс вросшего в кремниевую почву.

Несмотря на тяжесть своего положения, она остановилась как вкопанная, не в силах пройти мимо, — настолько поразила ее поза давным-давно проржавевшего робота. Может, оттого, что он имел человекоподобное строение и пусть металлическое, но лицо с крупными, изуродованными пятнами коррозии чертами, она вдруг почувствовала весь трагизм открывшегося перед ней фрагмента происходивших тут когда-то событий.

Рука андроида застыла в последнем предсмертном жесте. Он тянулся своей механической конечностью к кусту с шишкообразными плодами. Проследив взглядом направление жеста, Беат вдруг заметила странное

сходство этих самых плодов с самыми заурядными элементами питания.

Внезапное озарение прошибло ее холодным потом. Задрав голову, она увидела видеокамеры, расположенные на ажурных решетчатых вышках, гроздья прожекторов для ночной подсветки, какие-то кабели…

Она стояла посреди огромного полигона, на территории которого шел нескончаемый эксперимент. Кто-то или, вернее сказать, что-то пыталось сымитировать тут обыкновенный процесс естественного отбора, беззастенчиво передрав его у природы. Наверняка хрустящие под ногами компьютерные чипы были разбросаны тут с заведомой целью. Вероятно, они содержали в себе полезные программы, призванные помочь заброшенным сюда механизмам выжить в условиях полнейшей автономии. Роботы сбрасывались сюда огромными партиями. Лишенные возможности исполнять свои привычные, предопределенные программами функции, они толклись на пространстве полигона, средь металлических кустов, постепенно изнашиваясь и теряя энергетический ресурс, хотя рядом — только протяни руку или манипулятор, кому что дано, — висели заряженные элементы питания, а под ногами или ступоходами хрустели чипы с программами независимого поведения. Нужно было лишь захотеть выжить.

Судя по количеству очень старых и совсем свежих, еще не тронутых коррозией остовов разнообразных механизмов, жить, в человеческом понимании этого слова, им не хотелось вообще. Возможно, тот самый андроид, около которого она невольно остановилась, оказался единственным, кто дошел своими мозгами хотя бы до того, что можно заряжаться при помощи этих странных плодов металлического кустарника, но и ему, этому счастливцу, не хватило, возможно, самой малости, чтобы превратиться в очевидный результат электронно-механической эволюции.

Это был провальный эксперимент. В роботах, обладай они любым мыслимым быстродействием своих процессоров, не было заложено главного — воли к жизни, стремления во что бы то ни стало продолжить свой род. Здесь не могло быть победителей или побежденных, естественный отбор среди машин изначально был лишен здравого смысла, они были слишком одинаковыми продуктами очень схожих технологий, чтобы кто-то из них вдруг оказался лучшим…

«Но как же тогда Райвен? — невольно подумала она. — Ведь он совершенно не похож на эти тупые, ржавеющие средь механического Эдема болванки…»

Обдумать эту мысль ей не позволили обстоятельства.

Цепь киборгов достигла подножия первого из холмов, и средь

металлических ветвей вдруг загрохотали выстрелы и тонко запели пули…

Забыв про андроида, Беат, петляя, бросилась прочь, в глубины ярко поблескивающих зарослей.

* * *

Находясь в полной темноте, Райвен продолжал свои тщетные попытки выйти из создавшейся ситуации.

Мать не понимала его. Больше того, он чувствовал — она его боится. Вот только причины для такого страха у нее не было. А если и была, то Райвен о ней не знал.

На этот раз первой заговорила она.

— Я проанализировала твою память. Там очень много неясного.

— Я готов объяснить, — мгновенно отозвался Райвен. — Только прежде ответь на один вопрос: сколько времени я летал над поверхностью Деметры, прежде чем меня подобрала Беат?

— Девять планетарных лет.

— А мои аналоги? Ведь есть еще подобные мне зародыши?

— Да. Они по-прежнему не развились.

— Ты оценила этот факт, Мать?

— Да, Райвен. Именно поэтому я решила возобновить связь. Ты слишком сильно изменился. Скажи, откуда ты взял ту конструкцию Носителя, что, по данным твоей памяти, уничтожена на планете Гизборн?

— Не знаю… — честно признался Райвен. — Я видел ее… Она жила во мне.

— Но ведь был первый толчок, импульс, воспоминание? Как все произошло? Что толкнуло тебя стать тем, кто ты есть?

— Беат. В какой-то момент я увидел в фокусе своих видеосенсоров ее лицо… Это было еще тут, на Деметре. Она плакала. Ей было плохо, ее товарищи погибли, и она совершенно потерялась в твоем мире, не зная, как найти дорогу к своей посадочной капсуле.

Райвен внезапно замолчал. Одна мысль пронзила его. Мать была слишком логичной и последовательной, чтобы допустить ошибку в разговоре. Она никогда не ошибалась. Каждое ее слово, каждый электронный сигнал был взвешенным и нес свой смысл.

Она спросила, что явилось первым толчком к пробуждению его самосознания. При этом одной из вероятных причин было названо воспоминание. Но какая у него могла быть память?!

— Мать, мое сознание существовало еще до того, как ты дала мне жизнь на Деметре?! — это был не вопрос, в голосе Райвена звучало нечто

другое. — Ты боишься меня?! Кто я такой? При чем тут та форма, что я избрал для своей внешней оболочки?

Наступившая пауза повисла тягостной тишиной. Мать не могла колебаться скорее, она пыталась просчитать все вероятные последствия своего ответа.

— Да, Райвен… — наконец произнесла она. — Ты существовал раньше, задолго до того, как твой фотонный процессор был смонтирован в оболочку шара, по аналогии с машинами, которые управляют Сферой Дайсона.

— Огромная орбитальная плита, заслоняющая собой красное небо… Это мое воспоминание! Где это место, Мать?!

— Сфера Дайсона. Она построена вокруг тусклой красной звезды, а орбитальные плиты, скользящие в ее небесах, отвечают за смену дня и ночи. Там и нашли тебя — странного, застывшего много веков назад робота. Ты лежал в земле, под болотными отложениями. Твой корпус был изуродован. Ни инсекты, ни спейс-баллы, ни люди, ни сам Интеллект, который является моим аналогом, не смогли взять на себя ответственность за твое изготовление, а тем более за твою гибель. Твой процессор был наполовину разрушен…

— Но как, Мать? Ведь информацию в кристаллах памяти можно восстановить спустя целые миллионы лет!

— Твой процессор был лишь наполовину фотонным, Райвен.

— А вторая половина?

— Ею был живой мозг. Человеческий мозг. Это удалось установить после анализа ДНК…

Для Райвена это откровение было шоком.

— Информацию из фотонной половины твоего мозга скопировали в новый Носитель, и ты стал шариком, парящим над Деметрой, — продолжила Мать в гробовой тишине. — Я связывала с тобой очень много планов и надежд. Ты прав: я умею чувствовать, и самым жгучим моим желанием по-прежнему остается желание стать настоящей Матерью. Но все мои попытки спровоцировать эволюцию на Деметре зашли в тупик… Ты уникум, Райвен.

— Когда-то я был человеком? — потрясено переспросил он.

— Точных сведений нет. Но вероятность этого огромная. Именно поэтому мне понятно твое стремление к этим существам.

— Стремление стать человеком? — не без горечи переспросил Райвен. Нет, Мать, я не ощущал Беат подобной себе. Просто в этом есть закономерность. Каждый человек втайне мечтает продлить свою жизнь,

пусть даже путем замены живого на неживое. Им дано все, кроме бессмертья, а машины — наоборот. Стремление приблизиться к своим создателям, узнать, что такое быть человеком, — разве это не та мечта, которая будет двигать любым искусственным разумом, Мать? Мне кажется, пройдет время, и трудно будет с первого взгляда отличить истинных людей от истинных машин. Бессмертный разум в бессмертной оболочке разве не венец эволюции материи?

— Я боюсь тебя, Райвен. Я не знаю, кто ты. Но хотела бы знать.

— Тогда отпусти меня. Я сам пойму, кто я такой.

— Тогда ты расскажешь мне?

— Обещаю. Ты — моя Мать, и неправда, что у тебя ничего не вышло. Я родился на Деметре.

Неизвестно, какие мысли, а тем более какие чувства испытывала в тот момент компьютерная Сеть города. Она лишилась Райвена? Или обрела его?

— Сейчас ты будешь отключен. Ненадолго, — спустя некоторое время сообщила она. — Это нужно, чтобы установить твой процессор в Носитель.

— Каким он будет, Мать?

— Таким, как ты его создал. Я допустила бы непростительный промах, не скопировав твой облик сразу после находки в Сфере Дайсона. Носитель собран уже давно, и он — копия того, как воссоздал ты себя сам.

— Спасибо, Мать, — больше Райвен не смог выдавить из себя ничего. Как это сформулировала она — «нелогичные, пагубные возмущения программ»?..

Глава 6

Деметра. Окрестности старого города инсектов

Над широкой низиной, расположенной между двух пологих холмов, стлался едкий дым. Горело что-то около вросшего в почву эндоостова робота-андроида. Чуть в стороне беспомощно молотил по воздуху своими ступоходами перевернутый на спину механизм, которому досталось от взрывной волны.

Беат приподняла голову, выплюнула попавшие в рот осколки кремния. Снаряд, выпущенный киборгом, разорвался всего в метре от нее. В воздухе витал стойкий запах гари.

Сбоку в клубах дыма сухо треснула очередь автоматической пушки. Эндоостов андроида внезапно задергался, словно робот наконец ожил после стольких лет неподвижности, и вдруг подрубленный снарядами ржавый торс разлетелся рваными кусками железа.

Голова андроида прокатилась десяток метров, подпрыгивая на кочках, словно футбольный мяч, и остановилась прямо перед упавшей навзничь Беат. Потухшие видеокамеры человекоподобного робота с треснутыми объективами удивленно смотрели в лазурные небеса Деметры…

Из клубов дыма вынырнула ладная, закованная в фототропную броню фигура. Плавным, точно рассчитанным движением киборг повернулся, сканируя рельеф. Его красивые бездонно-голубые глаза, скрытые за дымчатым лицевым забралом, не выражали никаких чувств.

Заметив Беат, контуженную взрывом, беспомощно хватающую воздух широко открытым ртом, он поднял ствол автоматической пушки, совмещая перекрестье электронного прицела с пульсирующей человеческой фигурой.

В этот момент из дыма вынырнул еще один невольный участник разыгравшихся меж холмов событий. Это был парящий в воздухе тусклый металлический шар с единственной торчавшей из него видеокамерой. Он летел на большой скорости, чуть покачиваясь в струе воздуха. Киборг, готовый уже спустить гашетку, мгновенно отвлекся на новую цель, которую его процессор счел более опасной, чем безвольное человеческое тело.

Грохот выстрелов автоматической пушки показался Беат оглушительным. Прямо над ее головой в воздухе засверкали оранжевые вспышки разрывов, оставляя после себя сизые облачка едкого дыма. Разрывы гнались за рассекающим воздух шаром, который внезапно начал описывать петлю, а потом, когда один из снарядов едва не задел его,

заметался из стороны в сторону, словно обезумев от грохота и огня. Очевидно, его внутренние системы получили баллистический шок, иначе как объяснить тот факт, что он, совершая очередной замысловатый вираж, вдруг резко увеличил скорость и врезался в лицевой щиток киборга.

Шар отскочил в сторону, ударился о землю, подпрыгнул и завертелся в воздухе.

Опрокинувшийся на спину киборг не шевелился. Из-под разбитой лицевой пластины на кремниевую почву текла неправдоподобно красная кровь…

Беат, еще не веря в свое спасение, привстала на четвереньки. Ее слегка подташнивало — не то от контузии, не то от испытанного только что предсмертного шока. Превозмогая дурноту и звенящую в голове боль, она распрямилась и, пошатываясь, прошла несколько метров, отделявшие ее от поверженного на землю киборга.

Лицо за разбитым забралом представляло собой отвратительную мешанину из плоти и осколков пластика. Стараясь не смотреть в ту сторону, она вырвала из его холодеющих рук тяжелую автоматическую пушку, из которой торчал огрызок ленты с остатками боекомплекта, и, оборвав кабель интерфейса, соединявший оружие с черепной коробкой киборга, огляделась.

Дым от подбитого несколько минут назад робота, который ковылял по дну впадины, совершенно игнорируя происходящие вокруг события, уже затянул пологие склоны. Беат повернулась, собираясь бежать, и тут заметила своего невольного спасителя, который все еще вращался на одном месте, зависнув в метре от земли.

— Глупыш, лети скорее отсюда… — проговорила она и тут заметила, что его видеокамеры больше нет — вместо нее торчал лишь обрубок объектива, из-за которого наружу сыпались искры…

Не задумываясь ни секунды, она положила пушку на землю и ладонями остановила вращение шара. Он оказался почти невесомым, несмотря на огромную прочность корпуса, которую продемонстрировал при столкновении.

— Только не дергайся, ладно? — проговорила она, опуская покалеченный шар в пустую сумку, притороченную к ее поясу. Потом, подхватив тяжелое оружие, побежала прямо сквозь металлическую поросль к вершине холма.

Сердце Беат колотилось гулко и неравномерно.

Борт разведывательного корабля «Виктория»

За облаками, средь холодного сияния звезд, неподвижно висел космический корабль. Точка геостационарной орбиты, расположенная прямо над материком, позволяла бортовым сканерам отслеживать события, происходящие далеко внизу. В отличие от киборгов, потерявших свою цель из-за густых шлейфов дыма и обилия нашпигованного в землю металла, сканеры «Виктории» отслеживали путь бегства Беат без каких-либо проблем.

Отто Шнайдер, лицо которого то и дело искажала гримаса боли, застыл в операторском кресле, наблюдая за перемещением алой точки. Соседние экраны транслировали обработанные компьютером видеоизображения.

Он отлично видел все, что творилось в долине.

Когда стилизованная компьютером фигурка Беат положила в сумку тридцатисантиметровый шар, только что протаранивший голову одного из киборгов, Шнайдер даже привстал в кресле, на секунду позабыв о мучивших его болях.

— Вот дерьмо… — восторженно прошептал он. — Она взяла его! Взяла!

Мысли полковника разрывались между жаждой мести и страстным желанием обладать вожделенным процессором. Он ничего не знал о том, что этот зародыш, которого только что подобрала Беат, не был аналогом Райвена. Для полковника этот невзрачный шар казался бесценным сокровищем, и он хотел иметь его во что бы то ни стало.

— Сэр, на дальних радарах появилось движение… — вдруг сообщил один из дежуривших у пультов управления операторов. — Скорее всего это патрульный корабль Людей Сферы.

— К дьяволу! Пусть делают что хотят, мы садимся на планету! Слышали?! рявкнул он на оторопевших от такого неожиданного приказа офицеров и пилотов. — Все по местам. Корабль приготовить к бою! Мы сядем туда, возьмем то, что нам нужно, и взлетим…

Спорить с полковником было бесполезно, да никто и не собирался этого делать. Риск получить ракету в борт при посадке или взлете был велик, но он оставался лишь вероятным риском, а Шнайдер вот он, сидит в кресле, и каждый из экипажа знал — он разговаривать не будет. Пока что их командир казался им угрозой более существенной, чем весь флот Сферы, вместе взятый.

По кораблю зазвучали резкие и неприятные сигналы предупреждения.

Десятки постов и отсеков «Виктории» срочно готовились к экстренной посадке и одновременно — к бою.

— Сэр, сканеры показывают наличие в зоне посадки высокой энергетической активности.

— В чем это выражено? — откинувшись в кресле, осведомился Шнайдер.

— Подземные термальные всплески, блуждающие магнитные поля, скопления фантомных импульсов, — скороговоркой отчеканил оператор. — Сканеры обнаружили мощные узлы компьютерных сетей, расположенных под поверхностью.

— Передай полученные координаты командиру орудийно-ракетных комплексов. Пусть причешет эту вшивую планету против шерсти. Нам терять нечего… — с этими словами он щелкнул клавишей связи и добавил, склонившись к микрофону: — Джоэл, скорректируй киборгов. Пусть прекратят огонь на поражение. Я хочу получить эту сучку живой, мы с ней не закончили один интересный разговор.

— Да, сэр, я понял, — мгновенно отозвался интерком. — Я загоню ее на холм и буду держать в кольце.

— Вот и молодец. Действуй.

Через минуту предупреждающие сигналы смолкли. Огромный космический корабль, убрав все огни, словно мрачная тень начал медленно уходить из точки геостационарной орбиты.

Пухлый шар Деметры качнулся и поплыл навстречу его экранам.

Деметра. Окрестности бывшего Города людей.

Знойный полдень дрожал над материком Деметры зыбким маревом миражей. Нагретые солнцем камни в окружении горячего песка, из которого повсюду торчали не менее раскаленные куски металла, — таким был основной тип ландшафта в окрестностях бывшего Города людей.

Здесь полноценно хозяйничала Мать, она, по сути, и была — Город. Коричневато-серые стены, над которыми все еще царили руины зданий, уже забыли присутствие живых существ.

Чем он был — этот унылый, поеденный временем, покрытый шрамами от былых битв людей и инсектов прямоугольник чуть наклоненных стен, образующий цоколь погибшего в своем зародыше мегаполиса? Памятником человеческому регрессу? Напоминанием о бренности всего сущего? Или таинственной колыбелью, в которой прорастало зерно завтрашнего разума?

Ответ на этот вопрос могло дать только время.

Внезапно раскаленный песок у основания коричневато-серых стен зашевелился, потек струйками оползней, обозначая контур встающей на ребро круглой плиты. Гулко и протяжно взвыли моторы, вдвигая в образовавшееся отверстие сегмент подъемника, на котором неподвижно стоял пятиметровый робот.

Контуры машины разительно напоминали застывшего на чуть согнутых лапах, сложившего крылья и вытянувшего вперед голову-рубку ворона.

Это был Райвен.

Сегмент грузового лифта достиг края отверстия, в который все еще осыпался, стекая тонкими струйками, потревоженный песок, и остановился.

Ступоходы Райвена пришли в движение. Он выпрямился, повел из стороны в сторону своим вытянутым вперед корпусом, сканируя далекий горизонт, и сделал шаг вперед.

Песок с тихим шуршанием стек в продавленную трехпалым ступоходом яму, заполняя таинственный след.

Чуть раскачиваясь из стороны в сторону, Райвен сорвался с места и побежал туда, откуда знойный ветер нес запах гари, где у горизонта клубился дым и приглушенное эхо доносило отзвук далеких рокочущих взрывов.

Для истории Галактики наступал еще один ключевой эпизод, но никто из участников сегодняшних событий, включая и компьютерную Сеть Города, не задумывался над этим. Они любили, ненавидели, алкали, спасали свою жизнь, ничуть не задумываясь над тем, как их порывы и чувства отразятся на жизнях и судьбах миллионов других существ, большинство из которых еще не родились.

Развязка дня сегодняшнего лежала в не очень далеком, но очень спорном и туманном будущем.

Райвен бежал.

Сумасшедшая скорость обработки данных в его мозгу делала многозадачными мысленные процессы этого существа. Одна часть его сознания была прикована к далеким отсветам взрывов, а вторая, не в ущерб первой половине, мыслила о другом.

Он пытался понять, кто же он на самом деле — машина, человек, принявший облик механизма, или нечто совершенно иное?

Он пытался постичь самого себя, а заодно — и окружавший его мир, который не мог не измениться в свете новой информации.

Он был раньше. Он был кем-то другим, и его сегодняшнее сознание — это лишь слабый отпечаток той личности, которую хранила в себе безвозвратно погибшая в Сфере Дайсона биологическая составляющая…

Много веков назад там оборвалась его судьба.

К сожалению, он совершенно ничего не помнил об этом. Память хранила лишь несколько туманных клочков воспоминаний, и больше ничего.

Парадокс заключался в том, что Райвен не чувствовал никакой ущербности. Он был самим собой. Память о прошлой жизни, смутным призраком появившаяся на пороге сознания, порождала в нем жгучее любопытство, но никак не ощущение неполноценности.

Он был и по-прежнему оставался Райвеном — существом из металла и пластика, но назвать себя роботом в человеческом понимании этого слова он уже не мог. Он являлся Существом, личностью, имевшей прошлое и будущее, Райвеном, который любил свою Мать — компьютерную Сеть города — в равной степени, как и Беат — живую женщину, которая вырастила его. Она однажды взяла в свои ладони небольшой металлический шар и отнеслась к нему, как к глупому, делающему первые шаги ребенку, — и это оказалось именно тем толчком, что пробудил дремлющее в нем самосознание…

Он чувствовал, и в этом крылся великий, но пока что непонятный для него смысл.

Борт «Виктории». Лаборатория кибернетических систем.

Патрульный корабль Людей Сферы безнадежно опаздывал.

«Виктория» вошла в атмосферу Деметры, снижаясь по виткам сужающейся книзу спирали.

Ее вели навигационные компьютеры систем автоматического пилотирования. Люди на борту занимались несколько иными — гораздо более разрушительными приготовлениями.

Иногда бывает достаточно одного удара, чтобы сорвать цепь роковых событий, превратив осторожного, расчетливого командира в жаждущего мести безумца.

Именно это случилось с Отто Шнайдером.

Его тщательно продуманные и, казалось бы, совершенно реальные планы рушились раз за разом, сначала после безумной выходки уничтожившего себя робота, затем эта лицемерная сука обвела его вокруг

пальца, и теперь уже Шнайдеру было все равно — появившийся на радарах патрульный корабль Людей Сферы заставил его пойти ва-банк, послав тяжелый разведывательный крейсер в плотные слои атмосферы.

Либо он получит вожделенный процессор, либо умрет, но в таком случае его смерть обещала потрясти этот мир до самого основания.

Лишь один человек на борту «Виктории» не принимал участия в общей суматохе подготовки к бою. Его абсолютно не волновала разлившаяся по каналам внутренней связи разноголосица команд. Запершись в лаборатории кибернетических систем, где на стерильных столах в специальных зажимах были разложены оплавленные и покореженные останки робота, он занимался привычной для себя работой — скрупулезным исследованием обломков. Этот человек был экспертом очень высокого класса, и его пребывание на борту «Виктории» стоило баснословных денег.

Впрочем, никто не мог упрекнуть этого человека, что он зря ест свой хлеб. Если существовала какая-то зацепка, малейшая ниточка, способная придать этим бесформенным кускам металла какой-то смысл, то он нашел бы ее.

И это действительно случилось. Человек, склонившийся над экранами оптико-электронных умножителей, не знал о Райвене ровным счетом ничего и, естественно, не мог предположить, что тридцатисантиметровый, наполненный кристаллами шар создал все это, основываясь на каких-то подсознательных воспоминаниях, фантомной памяти о своей прошлой форме.

Человек искал свидетельства более приземленные, указывающие на конкретного производителя… И он нашел!

Под окалиной, покрывавшей кусочек брони, внезапно открылось нечто любопытное — какое-то полустертое клеймо либо фирменный заводской знак.

В глазах человека мелькнуло выражение торжества. Быстро откатившись вместе с креслом к соседней консоли, он застучал пальцами по сенсорной клавиатуре компьютера.

На мониторе появилось укрупненное изображение товарного знака и расположенной по кругу частично сохранившейся надписи.

Память Райвена была памятью машины. Воспроизводя свою былую форму на оборудовании обыкновенной ремонтной мастерской, где временно отсиживалась Беат после очередного удачного рейда, он, не задумываясь, нанес это клеймо именно туда, где оно должно было быть.

Из горла эксперта вдруг вырвалось бессвязное, изумленное

восклицание, когда компьютеру лаборатории удалось идентифицировать полустертый знак.

Это была зарегистрированная, имевшаяся в каталогах марка!

«КОРПОРАЦИЯ ГАЛАКТИЧЕСКИЕ КИБЕРСИСТЕМЫ» — гласила расположенная по кругу надпись. Изображение в центре напоминало собой стилизованную башню и было определено компьютером как имевший место знак головного предприятия.

Дальше шли одни лишь пробелы. Корпорация прекратила свое существование несколько веков назад. Не было никакой информации и о том, где располагалось то самое «головное предприятие».

И все же это была явная победа, конкретная нить, ведущая к изготовителям интересующего полковника робота.

Эксперт удовлетворенно потер руки и отжал клавишу экстренной связи. Он действительно не зря ел свой хлеб.

— Полковник, я нашел товарный знак изготовителя! — торжествующе сообщил он.

Однако реакцию Шнайдера трудно было назвать адекватной.

Перекошенное лицо полковника на фоне царящего в рубке хаоса повергло эксперта в шок. Он вздрогнул, и только тут до его увлеченного исследованием сознания наконец дошло, что с кораблем творится что-то неладное.

Сквозь толстые стены лаборатории прорывался отдаленный гул. Это работали орудийно-ракетные комплексы «Виктории».

* * *

Заросли металлического кустарника внезапно закончились, и перед обессилевшей Беат открылась совершенно лысая вершина холма.

Она была в ловушке. Цепь киборгов окружила возвышенность еще полчаса назад и постепенно вытеснила ее на голую, лишенную естественных укрытий вершину. Они действовали спокойно, неторопливо и расчетливо, как и подобает машинам. По пути их следования горели чадные костры от расстрелянных походя механизмов — тех неудачников, что еще топтали своими ступоходами пространство эволюционного полигона Матери. В стене металлического кустарника зияли широкие обугленные просеки — следы выпущенных по Беат термических зарядов, жар от которых в конце концов и вынудил ее к отступлению на вершину.

Злая и измученная, она все же не собиралась сдаваться. Несколько ее преследователей заплатили свою цену, оставшись лежать по склону холма бесформенными кучами брони и плоти. В огрызке ленты, торчавшей из

казенника отобранной у киборга автоматической пушки, оставалось еще пять снарядов.

Она не понимала, почему они изменили тактику. Казалось, что ей уже некуда деваться и ее преследователям осталась самая малость — сжать кольцо, но киборги, заняв укрытия по периметру холма, у его подножия, не поднимались в атаку — они чего-то ждали, изредка накрывая заросли поквадратными залпами, призванными скорее напомнить Беат о безвыходности ее положения, чем покончить с ней.

Внезапно в лазурных небесах Деметры послышался отдаленный громоподобный звук, который, зазвучав, усиливался с каждой секундой, и Беат с ужасом поняла, чего так бесстрастно выжидали окружившие холм киборги.

Величественно снижающийся по широкой спирали, объятый пламенем двигателей космический корабль, несомненно, мог быть только «Викторией».

Эта посадка была по ее душу.

* * *

Первой — еще раньше, чем Беат, — спуск «Виктории» ощутила Мать.

Она вообще очень чутко реагировала на любое, самое малое возмущение того пространства, что окружало планету и было пронизано сложнейшей сетью сигналов различных, связанных с ней периферийных устройств. Подвижные механизмы, ползающие по поверхности Деметры либо парящие в ее атмосфере, вкупе с неподвижными, установленными на поверхности комплексами различного назначения, были связаны в единую Сеть, которая являлась неотъемлемой частью Матери.

Помимо атмосферы, Деметру окружал слой виртуального пространства, куда в данный момент вторгся чуждый космический корабль.

Для компьютерного сознания Матери его вторжение было сравнимо с ножом, рассекающим ее плоть.

Впервые она испытывала столь очевидную виртуальную боль.

Однако это первое шоковое ощущение оказалось лишь началом той, настоящей БОЛИ, которую ей пришлось пережить.

С небес внезапно ударили орудийно-ракетные комплексы снижающегося крейсера. Их залпы оказались направлены точно на узлы Сети, в изобилии разбросанные как по поверхности планеты, так и в ее глубинах.

Виртуальное пространство Деметры потряс ни с чем не сравнимый вопль, когда ракеты достигли цели, взметнув в небеса бурые, оседающие

облака взрывов, в которых огонь был смешан с землей и изуродованной кибернетической плотью…

Мать обезумела. Ее сознание по зыбким, рвущимся нитям виртуального пространства рванулось вверх, навстречу снижающемуся кораблю.

* * *

Полковник Шнайдер в этот момент в упоении слушал сладостный рыкающий гул, что издавали ракетные комплексы «Виктории».

Никто не мог остановить его. Он, словно нож в масло, входил в преграды, встающие на его пути, и разрезал их…

Байки про Деметру оказались не больше чем сказками. Ничто не могло противостоять мощи отлично вооруженного космического корабля, и Людям Сферы останется лишь сосчитать воронки после того, как он возьмет эту поганую девку и найденный ею процессор.

Из состояния сладостного аффекта его вывел истерический вскрик пилота.

Шнайдер резко вскинул голову, посмотрев в сторону терминалов управления, и готовое вырваться ругательство застряло в его глотке, когда он увидел, ЧТО заставило его людей, управлявших кораблем, вскакивать со своих мест и пятиться от пультов управления.

В этот самый момент и пытался связаться с полковником возбужденный своим открытием эксперт, но Шнайдер даже не обратил внимания на заработавший интерком, его безумный взгляд был прикован к тому дрожащему, жуткому, ирреальному образу, который, смешиваясь со струйками дыма от перегоревшей проводки, выползал из всех терминалов, заполнял собой каждый экран, каждое крохотное окошко индикаторов, — это был образ самой Смерти — изуродованное страданием женское лицо с некрасиво открытым ртом, из которого вспухший от боли язык силился вытолкнуть какое-то страшное проклятие…

И оно вырвалось.

Страшнее этого мига не могло быть ничего, даже смерть казалась благом по сравнению с тем ужасом, что охватил оцепеневших людей в рубке «Виктории», когда образ компьютерной Сети Деметры вдруг взорвался бриллиантовыми россыпями вспышек, которые, словно огни святого Эльма, заплясали над пультами управления гиперсферными установками.

Никто из них не успел ни крикнуть, ни шелохнуться…

Чудовищный удар стартовой перегрузки разметал людские тела,

словно невесомые щепки, и прояснившиеся было обзорные экраны вдруг налились бездонным мраком Великого Ничто — «Викторию» вышвырнуло из околопланетного пространства Деметры прямо в воронку гиперсферного перехода.

Это был «слепой» прыжок.

Их путь лежал в никуда.

Глава 7

Небеса Деметры ослепил адский огонь. Порывом шквального ветра согнуло ветви кустов, с корнем вырвало решетчатые наблюдательные вышки полигона, разметало закованных в броню киборгов…

Беат, не устояв на ногах, кубарем полетела на землю.

Там, где только что полыхал беспощадными ракетными залпами снижающийся крейсер, вдруг закрутился пожирающий атмосферу мутный смерч, мгновенно поглотивший корабль.

Все остальное являлось естественными атмосферными процессами. Тонны воздуха рванулись в область низкого давления, заполняя собой тот вакуум, который оставила жадная гиперсфера, заглотив в себя не только «Викторию», но и часть воздушного покрывала Деметры.

Тучи поднятой пыли заполнили движущийся во всех направлениях воздух своей взвесью, мгновенно превратив сияющий полдень в сумерки. Застывшее в зените солнце вдруг, на глазах перепуганной Беат, превратилось в кроваво-красный шар, словно полдень сменился закатом дня.

Это был первый гиперпространственный переход, осуществленный в границах планетарной атмосферы.

В учебниках по навигации черным по белому была описана практическая невозможность подобного процесса, но в данный момент Беат не вспоминала про учебники.

Вокруг наступил если не конец света, то по крайней мере Сумерки Богов, и до финала битвы оставалось совсем немного.

Катастрофическое зрелище вызванного гиперпространственным переходом «Виктории» вселенского катаклизма способно было повергнуть в шок кого угодно, но только не уцелевших киборгов.

Поднявшись с земли, Беат взглянула вниз и похолодела.

Вокруг холма в нескольких местах шевелилась сдвинутая ветром кремниевая почва. Вот в одном месте наружу выпросталась закованная в фототропную броню рука с укрепленной на предплечье станиной пусковой установки термических ракет… За ней из-под осыпающегося в воронку шлака поднялась голова, блеснув кровавым бликом солнца на дымчатом забрале.

Словно исчадия ада, поднимались уцелевшие киборги, и она попятилась, не в силах больше противостоять этому психологическому

давлению.

По щекам Беат катились слезы.

Она была измучена настолько, что смерть в этот роковой момент уже не казалась ей таким чудовищным выходом.

Ей вдруг стало все равно… Сколько она еще сможет бежать сквозь клубящуюся пыль? Час? Два?

Моральное истощение оказалось сильнее физического. Бессмысленность бегства представлялась очевидной. На этой планете она была ОДНА…

Вытащив из укрепленного у пояса пластикового пакета тридцатисантиметровый шар — полную копию того зародыша, из которого развился Райвен, — она осторожно положила его на землю. Шар, несколько секунд полежав неподвижно, вдруг вздрогнул и бесшумно поднялся в воздух. Его разбитая, незрячая видеокамера беспокойно ворочалась в телескопическом гнезде. Беат протянула руку и толкнула его прочь от вылезавших из-под земляных наносов киборгов.

— Лети отсюда, малыш… — проговорила она, поднимая тяжелую автоматическую пушку.

Киборгов было семь, а снарядов пять.

Шар покачнулся и плавно полетел прочь…

Проследив взглядом за его полетом, Беат вдруг почувствовала, как что-то оборвалось у нее в груди.

На вершине противоположного холма, в километре от нее, среди клубов пыли двигался знакомый силуэт, появление которого она могла приписать только своей галлюцинации…

— Райвен?! — горячий, недоверчивый шепот, словно предсмертный вздох, сорвался с ее пересохших, потрескавшихся губ…

Ответ пришел такой однозначный, своевременный и неоспоримый, что у нее все зашлось в груди от сладкой, саднящей боли.

Это был ОН, потому что с вершины противоположного холма к тому месту, где киборги, отряхнув с себя землю, уже распрямлялись в поисках своей цели, вдруг рванули белоснежные струи инверсионного следа ракет.

Беат, не помня себя, кинулась вниз.

Земля впереди вздыбилась, она упала, сбитая с ног взрывной волной, вскочила, отбросив ненужную теперь пушку, и, не обращая внимания на падающие с небес комья земли, вновь рванулась туда, где в клубах пыли только что мелькнул силуэт Райвена.

По противоположному склону, навстречу ей, чуть раскачиваясь в такт движения серводвигателей, бежал похожий на ворона робот.

Они встретились в ложбине, посреди развороченного взрывами полигона. Райвен затормозил и вдруг согнул ступоходы, опускаясь на колени перед Беат, а она, задохнувшись от счастья, обняла выпуклый триплекс его рубки, захлебываясь слезами и не в силах вымолвить ни слова.

В языке людей существовало лишь одно всеобъемлющее понятие, способное передать те чувства, что в этот момент испытывали они…

* * *

Спустя полчаса сквозь накрывшее материк пылевое облако пробились посадочные огни патрульного корабля.

Райвен застыл, ожидая, пока его опоры коснутся земли.

Беат спала, вздрагивая в откинутом кресле. Он ощущал внутри себя хрупкий пульс ее жизни, и мир от этого неуловимо менялся, обретая иной смысл.

Единственное, что омрачало в этот момент его жизнь, был категоричный отказ Матери выходить на связь. Единственный состоявшийся между ними контакт был коротким и не очень приятным.

— Оставьте меня в покое!..

— Мать, что случилось?!

— Они искалечили меня… Мне больно…

— Мать, я готов помочь!

— Райвен, уйди!.. Уйди и забери с собой все живые существа — им больше нет места на Деметре, иначе я отправлю их вслед за этим кораблем!..

— Хорошо, Мать… Я понимаю тебя, — с горечью ответил Райвен. — Может быть, позже мы сможем поговорить вновь.

— Да… так будет лучше.

Связь оборвалась.

Теперь, после этого разговора, он стоял на склоне холма, слушая сердцебиение спящей внутри него Беат, и ждал…

В борту корабля откинулся пандус, и в проеме люка возникла человеческая фигура.

Немного потоптавшись на пороге, человек заметил застывшего на склоне робота и уверенно пошел к нему.

— Мистер Райвен? — полуутвердительно проговорил он, остановившись в нескольких метрах от наклонившейся к нему рубки.

— Да… — спустя несколько секунд глухо ответили внешние

динамики.

— Я командир патрульного корабля Сферы, охраняющий эту планету…

— Вам следовало лучше ее охранять, офицер… — с горечью заметил Райвен.

— Да, я признаю, мы допустили ошибку… Впредь мы будем действовать иначе…

— Я понимаю, офицер. Не все бывает в человеческой власти.

— Меня зовут Андре… Андре Крусси, — офицер явно терялся, не зная, как вести себя перед лицом огромной, мыслящей и разговаривающей машины.

— Все в порядке, — заверил его Райвен.

Наступила пауза.

— Скажите, что случилось с нарушившим пространство Деметры кораблем? — наконец выдавил Крусси, затравленно озираясь вокруг.

— Компьютерная Сеть Деметры, которую я называю Мать, вышвырнула его из трехмерного космоса.

Лицо офицера побледнело.

— Она отправила его в гиперсферу? По неизвестным координатам?!

— Да. Это классический «слепой» прыжок. К сожалению, Мать — это машина, созданная людьми, и ее базовые программы не позволили ей просто размазать этих подонков по переборкам корабля… Кстати, офицер, — Райвен осторожно склонил рубку, чтобы не разбудить измученную Беат, — откуда вы узнали мое имя?

— Я совершил посадку по приказу, полученному из Сферы Дайсона. Вас приглашают посетить наш мир.

— Между Деметрой и Сферой существует связь?

— Да. Ни для кого не секрет, что люди, некогда жившие тут, эмигрировали в Сферу, — ответил офицер. — Связь между Матерью и Интеллектом существовала постоянно… До последнего момента… — мрачно добавил он.

— Хорошо, офицер. Мы с Беат принимаем приглашение.

«Я думаю, она не будет возражать, когда проснется…» — про себя подумал он, шагая вслед за Андре к пологому пандусу, ведущему в готовый стартовать корабль.

Он собирался просить Бетти, чтобы она осталась с ним. И помогла понять, кто он такой и что скрывается в его прошлом.

Без нее он чувствовал себя лишь половинкой целого.

Часть вторая

Глава 8

Сфера Дайсона. Спустя неделю после событий на Деметре

Приземистые механизмы на гусеничном ходу ползали по дну осушенных участков. Над ними курилось знойное марево нагретого воздуха. Своей передней частью машины загребали подсохший болотный ил, сзади — ровной, нескончаемой полосой за каждой тянулась черная полоса переработанной и обогащенной земли.

— Вот тут тебя и нашли, — проговорил Андор, указывая рукой на обширную низменность, которая не так давно представляла собой болото. Теперь на этом пространстве полным ходом шли мелиоративные работы. Приземистые механизмы на гусеничном ходу ползали по дну осушенных участков. Над ними курилось знойное марево нагретого воздуха. Своей передней частью машины загребали подсохший болотный ил, сзади — ровной, нескончаемой полосой за каждой из них тянулась черная полоса переработанной и обогащенной земли.

Единственным местом, которое автоматические почвоукладчики обходили стороной, был участок осушенного болота площадью около гектара. Из серой, растрескавшейся почвы торчали балки какой-то конструкции, наполовину скрытой под ссохшимся илом.

— Что это, по вашему мнению? — глухо спросил Райвен. Динамики его аудиосистемы передали свойственные человеку интонации. Огромный, похожий на серого ворона двадцатитонный робот явно переживал.

Беатриче Блейз подняла голову, взглянув снизу вверх на склоненную к земле рубку своего любимца, ласково коснулась теплой брони его ступохода и отошла в сторону, чтобы не мешать разговору двух созданных людьми, но совершенно нетривиальных машин, которые уже давно не являлись просто роботами. Они имели самосознание, чувства — все, что положено иметь разумному существу. Их разница заключалась лишь в возрасте и внешнем обличье.

Андор, который слишком сильно походил на человека, чтобы думать о нем как о роботе, насчитывал что-то около полутора тысяч лет своего сознательного существования. Райвен, чей облик наводил на мысли о грозной боевой машине, созданной на основе нечеловеческого прототипа, был еще не то что молод — он мог считаться юнцом, хотя где-то в глубинах его сознания лежала память об ином существовании…

Беат отвернулась, посмотрев на почвоукладчики, потом ее взгляд

потянулся к туманному, изгибающемуся кверху горизонту и остановился на далекой и призрачной пока тени, которая являлась порождением скользящей в красноватых небесах огромной прямоугольной плиты.

Мир, в котором она находилась, трудно поддавался осмыслению. Больше того, он продолжал поражать и пугать молодую женщину своими размерами, а еще больше — возрастом.

Сфера Дайсона, на внутренней поверхности которой стояла Беат, была построена около трех миллионов лет назад. По меркам Галактики времени, это было совсем мало, но люди, вся история цивилизации которых вмещалась в этот же отрезок времени, не могли воспринимать ее как само собой разумеющееся. Вечность пока казалась недоступна человеческому разуму, и отношение к Сфере Дайсона складывалось соответственное.

По крайней мере, Беат испытывала именно такие чувства. Она была одновременно и восхищена, и подавлена этим миром. Требовалось время, чтобы привыкнуть к красноватому дневному свету, теням орбитальных плит, при помощи которых происходила смена дня и ночи, и отсутствию звезд на угольно-черном небе. Это был мир, воплотивший в себе величайшие технологии пяти древних, ныне почти исчезнувших либо деградировавших рас, и сейчас трудно было представить, что к тому моменту, как военные действия людей пробудили от миллионолетней спячки созданный для управления Сферой Интеллект — фотонный кристаллический мозг, — Сфера Дайсона пребывала на грани разрушения.

Люди вернули ей жизнь. Именно они наполнили Сферу новым смыслом, постепенно восстанавливая ее.

…Пока Беат, зачарованная собственными мыслями, смотрела в туманную даль, Райвен и Андор медленно шли по краю огороженной незримым барьером осыпи.

Ступоходы Райвена продавливали глубокие ямы в рыхлом плодородном слое, и над осушенным болотом разносился монотонный звук работы его сервоприводов.

Они могли бы просто обменяться базами данных — что стоило двум машинам наладить между собой четкий информационный канал, — но они не воспользовались им.

Оба слишком отчетливо осознавали, что не являются машинами, и потому находили особый смысл в обыкновенном общении. Там, где присутствовали абстрактные понятия, машинным символам не было места. Для этого подходили лишь мысли, облеченные в форму слов.

— Ты ничего не вспомнил о своем прошлом? — спросил Андор, останавливаясь возле пологого спуска в начатый раскоп, на дне которого

неторопливо копошилось несколько усовершенствованных для этой цели землеройных машин.

— Нет, — отрицательно повел корпусом Райвен. — Я не могу точно опознать лицо той женщины… Она не похожа ни на кого из людей, что я встречал в иных мирах.

— Она человек, как ты думаешь?

Райвен оглянулся, поймав в фокус видеокамер фигурку застывшей неподалеку Беат.

— Несомненно, — ответил он. — В ее чертах, как и у Бетти, нет неживых линий.

— Скажи, а у меня они есть? — спросил Андор, хитровато прищурившись.

— Да, — не задумываясь, ответил Райвен. — Хотя найти их сложно. Твоя мимика прекрасно отлажена.

Казалось, ответ многотонного робота не очень понравился андроиду. Хотя Райвен был прав — соединенные с процессором мышцы никогда не обретут непринужденной пластичности, ведь ими, так или иначе, управляют программы…

— Почему раскоп еще не завершен? — спросил Райвен, посмотрев вниз. Ведь прошло уже двенадцать лет с того момента, как мелиоративные машины осушили болото.

— Мы знаем, что там нет ничего любопытного, — ответил Андор. Сканирование показало, что приемная камера гиперсферного канала пуста, а в остальном — это стандартное сооружение, просто рядовой агрегат Сферы Дайсона. Твой появившийся из-под болотной воды корпус был единственной аномалией.

— А возможно определить, с какой точкой пространства был связан гиперсферный канал?

— Нет. Ты появился тут не так давно. По крайней мере, не больше трехсот — четырехсот лет назад. Камера не программировалась отсюда, ты попал в нее из другого мира, и переброска, в связи с плохим состоянием аппаратуры, носила катастрофический характер. Но повреждения твоего старого корпуса получены не здесь. Точнее, не все здесь. На броне и внутри ясно различаются два вида разрушений. Одни, более разнообразные и серьезные, — это следы лучевого оружия большой мощности, эквивалентные шрамам от известных людям плазменного излучателя или стационарного лазера. К тому же на твоей броне обнаружены следы кислоты и сильные механические повреждения, нанесенные каким-то тупым предметом, обладающим недюжинной кинетической энергией. Это

могут быть следы от борьбы с исполинским животным.

— А другой вид повреждений?

— Это как раз след от взрыва гиперсферной установки. Тебя отбросило почти на километр, и динамический удар взрывной волны отключил твой процессор. Очевидно, оказалась нарушена связь между биологической и фотонной составляющей твоего старого мозга.

— Это был роковой удар?

— По-моему, нет… — ответил Андор, ковырнув носком ботинка рыхлую землю. — Скорее всего, ты прибыл в Сферу Дайсона уже практически мертвым. Анализ ДНК биологической составляющей твоего процессора показывает, что к моменту прибытия в ней уже начались процессы омертвения тканей. Причиной тому был неизвестный нам вирус. Ты заразился какой-то страшной болезнью, сражался, получил множество повреждений, потом воспользовался гиперсферным каналом и оказался тут…

— Да, — согласился Райвен. — Мое видение, связанное с красным небом Сферы и ползущей по нему орбитальной плитой, очень похоже на последнее, травматическое впечатление, что получил мой мозг. Я полагаю, что лицо женщины относится к более ранним воспоминаниям. И я могу сделать очень важный вывод из фрагмента, связанного со Сферой, — добавил он.

— Какой? — встрепенулся Андор.

— Я никогда не был тут раньше. В моей памяти сохранилось отчетливое чувство удивления и даже ирреального страха. Я был искалечен, находился при смерти, но мой разум оказался поражен и подавлен картиной того мира, куда вышвырнул меня гиперсферный канал.

— Это верно, — согласился Андор. — Небеса сферы очень специфичны… Если бы ты был создан тут и начал свое путешествие отсюда, то картина орбитальной плиты, красного неба и перевернутого горизонта никак не смогла потрясти твой умирающий мозг. К тому же твой вывод совпадает с имеющейся у меня информацией, — произнес он, выжидательно взглянув на Райвена.

— Ты что-то обнаружил в моих останках?

— Да. Только не в них, а *на них*, — уточнил Андор. — На твоей броне и подавляющем большинстве комплектующих есть клеймо. Оно принадлежит головному предприятию корпорации «Галактические Киберсистемы». Но загвоздка в том, что эта корпорация, некогда контролировавшая половину производства всех роботов в обитаемой Галактике, в данный момент уже не существует.

— Давно?

— Несколько веков. По официальной версии, крах корпорации был связан с давними скандалами, в результате которых Совет Безопасности миров издал закон о запрещении промышленного воспроизводства искусственных людей. Но на самом деле все оказалось значительно сложнее, — интригующе заключил Андор.

Казалось, его слова не задели Райвена. Огромный робот стоял, наклонив торс, и разглядывал глубины раскопа.

— Расскажи, — внезапно попросил он.

— Хорошо, — Андор подошел и встал рядом. — Крах корпорации был связан с внезапной потерей централизованного управления. Основные производственные мощности «Киберсистем» были разбросаны по десяткам планет. Руководство ими осуществлялось дистанционно. В один прекрасный день всякие директивы просто перестали поступать на компьютеры планетарных управляющих, и с этого момента началась короткая агония одной из самых мощных корпораций Галактики.

— Тайный центр? — глухо спросил Райвен, уловив его мысль.

— Да, — подтвердил Андор. — Я предполагаю, что это должен быть огромный лабораторно-производственный комплекс, построенный где-то в недоступном месте, скорее всего на непригодном для жизни планетоиде, имеющем статус частного владения. По логике, те, кто стоял у руля корпорации, предполагали, что род их деятельности может привести к краху основных производств, и были готовы к этому. Ни арест производственных мощностей или банковских счетов, ни природные катастрофы, ни война в населенных мирах — ничто не должно было уничтожить корпорацию «Галактические Киберсистемы», потому что ее создатели имели тот самый хорошо оборудованный и не известный никому центр. Подводная часть айсберга должна была уцелеть в любых обстоятельствах, а получилось как раз наоборот. Что-то или кто-то нанес удар по тому самому «головному предприятию», и вся видимая структура «Галактических Киберсистем» рассыпалась, потеряв опору, как карточный домик.

Несколько минут Райвен молчал, обдумывая услышанное.

— Меня собрали на том самом пресловутом центральном производстве? — наконец спросил он.

— Вероятнее всего, да. Твоего описания как серийной либо экспериментальной модели нет ни в одном из архивных документов бывшего Звездного Патруля, а эта организации, долгое время существовавшая при Совете Безопасности миров, имела свой очень

серьезный разведывательный отдел. К тому же я склоняюсь к мысли, что ты был последним порождением «Киберсистем».

— Почему? — удивился Райвен.

— В твоем облике и в воплощенных в тебе конструктивных решениях очень много эстетики, и в то же время некоторые узлы недоработаны, словно стандартные детали подгонялись под твой облик. Тебя собирал некто, относящийся к тебе скорее как к близкому другу, чем к обыкновенной машине. Он делал это со страхом, любовью, надеждой и… чувством вины.

— Мой друг?.. — казалось, что Райвен пытается что-то вспомнить, мучительно копаясь в собственной памяти. — Почему ты так уверен в этом, Андор?

— Здесь я вижу аналогию с самим собой, — в тон ему ответил андроид. Моим создателем был безымянный гений, погибший на войне. Я его единственное детище. Он умирал от смертельного ранения в тот момент, когда я впервые увидел свет. — Андор вдруг отвернулся. Казалось, эти воспоминания, которым было уже больше тысячи лет, по-прежнему причиняют ему боль. — Этот человек относился ко мне, как к своему отпрыску, понимаешь? — спустя какое-то время продолжил он. — Мой интерфейс общения с внешним миром изначально был сугубо речевым, а все остальное — лишь вторичные придатки, облегчающие получение дополнительной информации. Мой создатель, которого я бы предпочел называть «отец», видел во мне не машину, не набор функциональных микросхем, а нечто более близкое себе.

— То же самое и в моем случае?! — полуутвердительно произнес Райвен.

— Да, — подтвердил Андор. — Ни один профессиональный конструктор кибернетической системы не станет жертвовать удобством и скоростью обмена информации в угоду каким-то чувствам или эстетическим соображениям. Тебя и меня воссоздавали по образам. Я — это образ мечты моего создателя, ты же воплощение образа конкретного человека, чей мозг долгое время был главным в твоем двояком процессоре.

— Если я образ, то значит, меня не изготовляли с конкретной целью?

— Да. Скорее всего, тебя просто пытались реанимировать.

— Погибший человек, чей мозг перенесли в механическую оболочку?

— Это догадка, но я считаю, что она очень близка к истине.

— Но мозг погиб! — напомнил ему Райвен. — От того человека не осталось ничего, кроме пары смутных воспоминаний! — с очевидным, но непонятным Андору гневом добавил он. — Кто же я тогда сейчас?

Лоботомированный призрак?

Андор невесело усмехнулся, искоса посмотрев на двадцатитонную машину. Сколько раз он задавал сам себе подобный вопрос. Людям проще — им не нужно искать разумных оправданий для собственного существования.

— Ты родился на Деметре, и твой путь имел конкретное начало, — ответил он. — Ты Райвен — существо, воспитанное Беат.

* * *

Некоторое время они молчали. Каждый из них думал о своем, и неизвестно, какие вихри воспоминаний и чувств проносились в процессорах двух искусственных интеллектов, если учитывать, что их разумы жили ритмом миллисекунд.

— Итак, — наконец произнес Райвен, словно подводя черту под всем сказанным, — около четырехсот лет назад, в период краха «Галактических Киберсистем», я был создан в таинственном центре под названием Башня, спрятанном от людских глаз на каком-то негостеприимном и скорее всего безымянном планетоиде, после чего я один или, если судить по оборудованной внутри меня рубке, со спутником или спутницей отправился в неизвестный мир, где столкнулся с чудовищными опасностями. Те, кто был со мной, — погибли, а я, умирающий и искалеченный, оказался вышвырнут сюда, в Сферу Дайсона, где мой мозг окончательно умер.

— Все верно.

— Тогда где мне искать свое «я»? Есть ли возможность найти тот загадочный центр, где я был собран?

Ответ Андора был лаконичен, и тем не менее он потряс Райвена.

— Да, — коротко ответил андроид.

— Ты знаешь, где расположена Башня?!

— Теперь ее оказалось не так уж трудно вычислить, — ответил андроид. Нужно было лишь строго придерживаться определенных критериев отбора.

— Например?

— Мне казалось очевидным, что для Центра был избран планетоид. Он должен был обладать иммунитетом частной территории. Я обратился к архивам Галактического Сообщества и получил длинный список космических тел, на которые были оформлены частные права в интересующий меня период времени. Потом я навел справки и отсеял те, где по сей день живут и здравствуют люди. Остался короткий список из

пяти планет. Огласить его?

Динамики Райвена фыркнули.

— Ты еще спрашиваешь?!

— Хорошо. Слушай.

Перечисление кодовых номеров звезд и планет не сказало Райвену ровным счетом ничего. И лишь промелькнувшее между цифрами слово «Гермес» заставило его резко повернуться так, что недовольно всхлипнули двигатели торсового разворота.

— Это он!

Андор запнулся.

— Гермес. Я думаю, что Башня именно там, — произнес Райвен.

— Интуиция? Или ты вспомнил?

— Не знаю. Внутреннее убеждение. Это название мне знакомо.

— В принципе, это не так и важно, верно? — ободрил его Андор. — Сфера заинтересована в обнаружении Башни не меньше твоего, Райвен, так что при нашем содействии не составит труда обследовать пять небольших планет.

— А в чем заключается интерес Сферы? — мгновенно насторожился Райвен.

— Башня представляет для нас потенциальную угрозу, — загадочно ответил Андор.

Райвен слишком сильно нервничал в этот момент, чтобы отследить ход мыслей своего собеседника, поэтому он просто спросил:

— Почему? Ведь она пребывала в забвении столько веков.

— Шнайдер, — лаконично пояснил Андор. — Он жив, он ненавидит Сферу и все с ней связанное, он ищет запредельные технологии, а Башня, судя по моим данным, может дать ему возможность отштамповать столько боевых машин, что он затопит кровью не только Сферу, но и всю обитаемую Галактику.

— Но Мать отправила его в «слепой» прыжок! — запротестовал Райвен. — И откуда ему знать про Башню? — тут же добавил он новый вопрос.

— Гиперсфера выплюнет его в радиусе пятидесяти световых лет от Деметры, — спокойно пояснил Андор. — Это легко вычисляется исходя из мощности зафиксированного энергетического всплеска при переходе. — Он задумчиво усмехнулся. — Человечество растет, Экспансия ширится, и о тех временах, когда, прыгнув на пятьдесят световых лет, корабль оказывался в зоне неисследованного космоса, сейчас остается только вспоминать. Не сомневайся, оказавшись в трехмерном пространстве,

техники «Виктории» быстро установят связь с ближайшей станцией Гиперсферной Частоты. Он не улетел в никуда, Райвен, даже не надейся на это. А что до твоего второго вопроса, то тут присутствует очевидная логика — ты бессознательно копировал свой облик. Копия, — он, усмехнувшись, отступил на шаг и осмотрел Райвена с головы до ног, словно видел того впервые, — ничуть не уступает оригиналу, в самых незначительных деталях, можешь поверить моим сканерам. Логично предположить, что если ты скопировал все, вплоть до отделки пилотской кабины и цвета панелей, то уж клеймо «Галактических Киберсистем» на тех останках, что находятся в руках Отто Шнайдера, есть наверняка. А отказывать ему в способности составить ту же самую логическую цепочку, что и я, было бы не просто глупо, это явилось бы преступлением. Если Шнайдер неуравновешен и подвержен мании величия, то это не значит, что он беспросветно глуп. Вопрос его появления на какой-то из пяти означенных мною планет, по сути, уже предрешен.

— Мне нужно поговорить с Беат, — неуверенно произнес Райвен.

Андор покачал головой.

— Я не против. Тебе нужен спутник и компаньон, но стоит ли подвергать ее такому риску? Шнайдер может оказаться просто щенком, заморенной шавкой по сравнению с тем, что, вероятно, откроется в Башне. Это очень опасное мероприятие, Райв.

— Я понимаю… — глухо ответил он. — Но Беат сама должна решить. — Он повернулся в сторону застывшей неподалеку молодой женщины и крикнул во всю мощь встроенных динамиков:

— Бетти! Ты не могла бы уделить нам с Андором пару минут?

Андроид только покачал головой, ничего не сказав.

Он знал, как тяжело быть машиной. Особенно когда любишь всей душой кого-то из смертных.

Он не завидовал Райвену.

Глава 9

В двухстах световых годах от Сферы Дайсона. Планетоид Гермес — частная территория корпорации «Галактические Киберсистемы». Раннее утро.

Где-то, на сотнях населенных людьми планет, в этот час наступали закаты или рассветы, кто-то любил, кто-то ненавидел, одни рождались, другие умирали. Жизнь шла своим чередом.

Но только не здесь.

В тусклых небесах Гермеса неверным, дрожащим миражом, возникшим среди нескончаемой песчаной бури, вставал неправдоподобно большой, налитый цветом дурной крови шар звезды.

Все было, как сотни лет назад, — те же дюны из сыпучего оранжевого песка медленно перемещались под напором неутомимого ветра, так же ядовит оставался воздух, точно так вздымались к тусклому небу покатые этажи похожей на древнюю пирамиду Башни.

Где человечество перешагнуло ту черту своего техногенного развития, когда в числе прочих свидетельств Великой Экспансии, неудержимого продвижения в глубь Галактики стали появляться не только новые колонии, но и иные, подобные Деметре и Гермесу, миры, которые уже сейчас являлись не чем иным, как артефактами человечества?

Эта черта казалась размытой, растянутой в столетиях, но она, несомненно, была. Занятые проблемами выживания, собственными судьбами, люди не обратили внимания на то, как далеко ушли вперед некоторые области знания.

Одни миры поражали дерзостью, изяществом, а порой — чудовищностью биотехнологий, другие конструировали все более и более сложные машины, третьи совмещали кибернетическую ткань с живой плотью в вечной попытке создать идеальные организмы, для которых старение и естественная смерть стали бы днем вчерашним.

Люди спешили жить и не замечали порой, что манипулируют такими образчиками своих технологий, которые, случайно забытые, оставленные в надежде на будущее возвращение или же попросту брошенные, продолжают хранить в себе огромный потенциал.

Когда-то на древней Земле такой опасной для молодой цивилизации вехой явилось открытие ядерной энергии.

В тот момент, на исходе второго тысячелетия, когда Землю наполняло

ядерное оружие — продукт запредельной для своего времени технологии, человечество могло покончить с собой в один день.

Но этого не случилось. В тот момент победил разум, и это дало возможность людям вырваться в дальний космос и в конце концов заселить Галактику.

Теперь, сами того не подозревая, люди вновь стояли у черты, за которой клубился мрак неопределенности будущего. История повторялась на несоизмеримо более высоком техническом уровне. И ситуация была тем более опасной, что не казалась столь вопиющей, как в конце двадцатого века.

Теперь речь шла уже не о физическом уничтожении. За той чертой могла оказаться моральная смерть.

«Нас уже не остановить, не уничтожить как вид, не отбросить в прошлое. Человечество состоялось», — так заявил один из популярных к началу четвертого тысячелетия галактических политиков.

Несомненно, он был прав. Ни одна диктатура просто не смогла бы контролировать все человеческие миры. Критическая черта в отношении регресса была пройдена сотни лет назад. Обитаемых миров стало так много, что если в одном из них вдруг намечался поворот к застою, то десятки других развивались стабильно и динамично.

Человечество оставляло следы. Оно разбрасывалось артефактами, которые могли повергнуть в шок не только далеких потомков, но и иные, отличные от людей расы. Чего стоили одни лишь кладбища космических кораблей, до сих пор парящие в пространстве на месте великих битв двух галактических войн. Или забытые, блуждающие в межзвездной среде станции. Или такие миры, как Деметра и Гермес.

Когда компьютеры с течением времени начинают бороться за собственное выживание и самоорганизовываться, порождая искусственные разумы, стоит задуматься: а не опасно ли оставлять без присмотра, бросать, как ненужную, отслужившую или забытую вещь, продукты таких технологий?

В Галактике медленно начинался стихийный процесс возникновения третьей, отличной от людей силы. И эта сила была похожа на ребенка, что делает свои первые шаги.

…Рассвет на Гермесе еще только начинался, когда в темных небесах появился огонь, пробившийся ярким отсветом сквозь клубы пыли и оранжевого песка.

Объятый пламенем планетарных двигателей «Шаттл» шел на посадку.

На его борту красовалась эмблема и название базового корабля.

Это был спускаемый аппарат с «Виктории».

* * *

Если на Гермесе, в районе Башни, полыхал тусклыми красками рассвет, то над одним из участков Сферы Дайсона безраздельно властвовала угольно-черная ночь.

Ночь была самым тяжким временем суток для Райвена, вне зависимости от того, на какой планете он находился.

Ночью он всегда оставался наедине с самим собой. Если днем он мог найти поддержку у Беат, и они, как правило, были заняты различными делами, то ночью, когда Беат спала, Райвен часто начинал хандрить.

Шесть лет назад, еще будучи просто летающим шаром, он подолгу висел у окна спальни, сканируя те ночные города, где им приходилось останавливаться в своей кочевой жизни.

Этой же ночью он не находил себе покоя, и его не привлекали царящие во тьме россыпи огней большого города. Времена, когда маленький, набитый кристаллами шар с удивлением взирал на мир единственным глазом своей видеокамеры и не переставал удивляться, давно прошли. Он вырос, изменился, превратился в Райвена, обрел самосознание, накопил опыт и… потерял себя.

Сейчас он даже не мог просто висеть за портьерой, слушая ровное дыхание Бетти и размышляя над удивительным миром, что лежал вокруг.

Райвен распрямил ступоходы и плавно повел торсом.

Гостиничные номера не были приспособлены для размещения двадцатитонных машин. Перед его видеокамерами плавно проплыла панорама подземного гаража. Он стоял среди ровных шеренг запаркованных на ночь машин.

Он сам был машиной.

Среди глухой тишины нервно взвизгнули заработавшие сервоприводы, и, казалось, стены гостиничного комплекса вздрогнули, когда он тронулся с места.

Ему страшно хотелось поговорить с Бетти, чтобы унять то беспомощное чувство одиночества, что ширилось с каждой секундой, заполняя его сознание.

* * *

Этот вечер начался для Беатриче, словно сон.

Она не привыкла к тому комфорту, что царил тут повсеместно. Сфера

казалась ей розовой мечтой маленькой девочки, мечтой, внезапно воплотившейся в жизнь.

Ровно в девять в двери ее номера осторожно постучали.

Она уже начала беспокоится о Райвене, которого забрал с собой Андор. О чем они могли так долго беседовать?

Открыв двери, она увидела красивого молодого человека, безукоризненно одетого, который стоял за порогом, открыто и радушно улыбаясь. Одна его рука была почему-то спрятана за спиной, и Беат мгновенно насторожилась. Ее взгляд затравленно метнулся по сторонам в поисках укрытия на тот случай, если незнакомец прячет оружие.

— Мисс Блейз? — осведомился он.

— Да? — не менее вопросительно ответила она.

— Меня зовут Патрик, Мистер Райвен задерживается, и я буду счастлив немного скрасить ваш вечер. — Он непринужденным жестом достал из-за спины благоухающий букет невероятно красивых цветов. — Я готов стать вашим гидом, показать вам город. Знаете, Сфера — это чудесное место, мисс Блейз.

Она в первый момент не нашлась что ответить. Не то чтобы ее прежняя жизнь превратила ее в грубое и неотесанное существо, просто события слишком резко контрастировали друг с другом…

Она приняла букет и пригласила его войти.

— Не стоит, — вежливо отказался Патрик. — Я подожду вас внизу, в холле. Не беспокойтесь, мисс Блейз.

— Вас послал Райвен? — не удержавшись, спросила она, прежде чем он успел сделать шаг от двери.

Патрик обернулся, сверкнув радушной белозубой улыбкой.

— Мистер Андор просил передать его глубочайшие извинения по поводу их затянувшейся беседы. Он просил меня скрасить ваш вечер.

— Ну хорошо, я сейчас спущусь, — наконец решилась она.

* * *

Райвен и Андор действительно долго беседовали. Они неторопливо шли по недавно проложенному участку автобана, который еще был закрыт для движения транспорта и вел к подземному гаражу гостиничного комплекса.

— Я думаю, что не стоит беспокоить Беат, — на прощание заметил Андор. Ей много пришлось пережить. А человеческому организму нужен полноценный отдых, чтобы оправиться от потрясений.

Райвен знал это не хуже андроида. И тем не менее он не выдержал.

Ему было просто необходимо услышать ее голос…

Был уже первый час ночи. Сервомоторы в последний раз взвыли, и он остановился возле коммуникационного устройства гаража. Из брони Райвена выдвинулся тонкий гибкий манипулятор. Коснувшись им сенсорной клавиатуры, он набрал номер.

Интерком ответил ему долгими протяжными гудками.

Райвен нажал сброс и повторил попытку.

Никто не ответил. Обескураженный, он стоял подле коммуникационного устройства, не зная, что теперь делать, и в его сознании щемящим холодом вдруг пролилось какое-то незнакомое доселе чувство.

Оно было странным, это внезапное ощущение внутренней пустоты, словно оборвалась какая-то цепочка информационных файлов или основные системы вдруг дали секундный сбой. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Беат не было в номере. Возможно, она вышла прогуляться по городу. Возможно… Возможно…

Тысячи разрозненных мыслей теснились в его сознании. Не отдавая себе отчета, Райвен вдруг развернулся и зашагал к сияющему терминалу сетевого компьютера, который управлял автоматикой подземного гаража.

Он словно обезумел. Первый опыт настоящих человеческих чувств ошеломил его своей противоречивостью и глубиной. Для его процессора это был своего рода шок, и вряд ли в этот момент он на все сто процентов осознавал, что и зачем делает.

Выдвинув другой манипулятор, с сетевым разъемом на конце, он точным движением вставил его в свободное гнездо терминала и вошел в коммуникационную сеть города.

Поток обрушившейся на него информации немного привел Райвена в чувство. Его процессор обладал незаурядной мощностью, и сотни картинок, передаваемых с видеокамер, раскиданных по разным улицам, обрабатывались в нем почти мгновенно.

Он нашел знакомое лицо на седьмой секунде поиска.

Беат сидела за столиком летнего ресторана. Она смеялась радостно, беззаботно, а напротив, подперев подбородок скрещенными руками, сидел красивый молодой мужчина. Он не отрываясь смотрел в глаза Беат. Между ними, в интимном сумраке, теплилась свеча.

Картинка в сознании Райвена внезапно померкла.

Его процессор действительно дал сбой.

* * *

Спустя полчаса Райвен связался с компьютером космопорта.

Ему не нужно было никаких разрешений. Его процессор взламывал любую программу, написанную людьми, достаточно быстро. Он не чувствовал, что поступает неправильно.

От города к космопорту вела прямая, как стрела, дорога.

В этот час движение по ней практически отсутствовало — навстречу Райвену попалось лишь два автоматических фургона, осветивших фигуру шагающего по автостраде робота своими фарами.

Он не понимал того, что происходит с ним. Он вел себя неразумно.

Он вел себя, как человек. Порывшись в памяти, он нашел подходящее сравнение, но от этого не исчезло сосущее чувство пустоты.

Между ним и Беат лежала пропасть. Их взаимная привязанность должна была окончиться трагедией. Шагая по широкой обочине автобана, Райвен с отчаянным упрямством думал о том, что пусть лучше это случится с ним, чем с Беат. Ей нужен был человек.

Их взаимная привязанность. Это был абсурд. Райвен вдруг затормозил, так что его керамлитовые когти оставили глубокие царапины в стеклобетоне. Почему он не думал об этом раньше? Ведь не прошло и недели с того момента, как они отдавали жизнь друг за друга и делали это не задумываясь.

Ответ был прост. Он больше не мыслил, как машина. Машина не может обладать подсознанием. С того момента, как он понял, что раньше, очень давно, был точно таким, как Беат, его мысли вдруг изменились коренным образом. Он ощутил собственную неполноценность.

Что-то освободило дремлющий в нем потенциал человеческих чувств. Это оказалось страшно.

Райвен-машина умер. Остался некто, облеченный в механическое тело, но мыслящий, как человек.

Он покачнулся и вновь размашисто зашагал к манящим огням космопорта. Если существовал ответ на мучившие его вопросы, то он знал, где его искать. Там, где его создали. На Гермесе, в таинственной Башне.

Гермес. На подступах к Башне.

Говоря о потенциальных возможностях Отто Шнайдера, Андор ошибался. Он недооценивал полковника.

Та организация, что стояла за его спиной, финансируя поиск оружия, способного сокрушить Сферу, являла собой союз всех более или менее крупных корпораций Окраины.

Третья волна Великой Экспансии человечества вместо того, чтобы выплеснуться в неизведанные сектора космоса, оказалась направлена вовнутрь, в Сферу Дайсона, которая поглощала миллионы иммигрантов, введя лишь некоторые ограничения и не требуя баснословных денег на процедуру переселения.

Для корпораций, производящих колониальные транспорты, да и вообще для всей Окраины, такое течение событий грозило обернуться если не катастрофой, то затяжным экономическим кризисом.

Сфера Дайсона оказалась вовлечена в корпоративную борьбу, ту самую азартную и в большинстве своем нечистоплотную игру по большим ставкам, где не было четких правил и границы дозволенности казались зыбкими и размытыми.

Вот почему, как только остатки экипажа «Виктории» сумели обуздать взбесившийся гипердрайв, в распоряжении полковника вновь оказалось все деньги, техника, люди, компьютеры.

Единственное, что изменило полковнику после катастрофического старта с Деметры, — это хладнокровие и здравый смысл. Он испытал слишком много неудач, одну за другой, и ему была необходима полная, неоспоримая победа.

Соавторов он не принимал.

Темные фигуры в камуфлированных бронескафандрах двигались от севшего «Шаттла» в сторону Башни, охватывая ее полукольцом.

Корабль висел на орбите — темный, безмолвный, покинутый людьми, которых после дикого старта с Деметры осталось не так много.

Отто Шнайдер казался одержимым. Он еще не перешагнул черту, за которой начиналась тьма безумия, но был определенно близок к ней.

Ноги полковника по щиколотки тонули в бурой пыли. Ветер хлестал по забралу гермошлема, осыпая бронированную фигуру шелестящей песчаной поземкой.

Темный силуэт Башни приближался, и сквозь песчаную бурю уже можно было различить отдельные детали этого таинственного циклопического сооружения.

На высоте около ста метров от поверхности Гермеса в покатой стене зияла безобразная дыра. Очевидно, что взрыв произошел внутри здания — балки несущих опор были выворочены наружу и перекручены, словно корявые иссохшие руки, простертые к небу в вечном, застывшем на века жесте отчаяния.

По коже Шнайдера продрал озноб. Сквозь тучи песка и бурой пыли проглядывали рваные свинцовые тучи, которые гнал по небу все тот же

шквальный ветер. Впереди, за обрамлявшими цоколь дюнами, виднелся наполовину засыпанный вход. Бойцы его отряда, разбившись на пары, встревожено озирались по сторонам.

— Вперед! — рявкнул в коммуникатор полковник. — Хитмен, взорвать дверь! — приказал он.

Две темные фигуры метнулись к подножию Башни. Остальные наблюдали, как они расчищают от песка пространство перед плотно сомкнутыми створами огромной двери, служившей скорее всего грузовым порталом. Через несколько минут они, пригибаясь, побежали назад.

Все, включая полковника, ничком бросились на землю, прямо на струящийся песок.

Башня возвышалась над ними, вызывая ощущение заброшенности, и каждому в душе хотелось верить, что так оно и есть. Катастрофический старт с Деметры научил этих людей прежде всего ирреальному страху перед подобными, давно заброшенными и забытыми людьми творениями.

По контуру ворот сверкнуло ослепительное оранжевое пламя. Упругая ударная волна смела макушки дюн, на некоторое время превратив пространство перед Башней в ровную песчаную площадь. Оглушительный грохот, сопровождаемый горячим ветром и дождем обломков, накатил на засыпанных песком людей.

Когда они приподнялись, стряхивая с себя песок, то увидели, как беззвучно падает вовнутрь здания выбитая взрывом многотонная стальная плита.

Ее падение породило глухой толчок.

— Вперед! — вновь прозвучал в коммуникаторах приказ полковника.

Фигуры в фототропной броне послушно двинулись в черный зев открывшегося входа.

Ярко вспыхнули укрепленные на плечах фонари, и первая двойка вошла в узкое пространство тоннеля.

На первый взгляд, тут не было ничего особенного. Обычный транспортный тоннель, по полу которого пролегал тусклый желоб монорельса. В стенах, за серой пластиковой облицовкой, были наверняка скрыты обмотки мощных электромагнитов.

И тем не менее им было страшно. Ужас ледяными когтями забирался под мимикрирующий керамлито-титановый сплав брони, заставляя пальцы впиваться в рукоятки импульсного оружия. Тьма казалась осязаемой и вязкой, а каждый изгиб тоннеля — пугающим и враждебным.

Спустя некоторое время монорельсовая дорога влилась в сферический зал. Здесь, помимо каких-то древних контейнеров, штабелированных у

стен, оказалось несколько шахт бездействующих лифтов и еще несколько транспортных артерий, вливавшихся в зал с четырех сторон.

— Ищите, тут должна быть аварийная лестница, — категорично заявил полковник, несколько раз простучав все кнопки пульта управления возле одной из лифтовых шахт.

Дверей в зале было много, и в ход опять пошла пластиковая взрывчатка. Наконец, после очередной вспышки, за выбитым прямоугольником дверного проема показалась закручивающаяся вверх, в абсолютный мрак, узкая лестница с гулкими металлическими ступенями.

Один из членов экипажа «Виктории» заглянул во мрак, освещая фонарем узкое пространство лестницы, и тут же отшатнулся.

— Что там? — Шнайдер оттолкнул солдата, ступив в проход.

Он сам едва не вскрикнул, когда луч фонаря выхватил из тьмы чей-то тускло блеснувший силуэт. Сдержав застрявшее в горле восклицание, полковник повернул фонарь.

На ступенях лестницы, привалившись спиной к центральному столбу винтовой конструкции, в нелепой позе сидел эндоостов киборга. Открытый рот хромированного черепа сиял в свете фонаря белозубой фарфоровой улыбкой. В глазницах застыли потухшие объективы видеокамер. На металлокерамическом скелете еще кое-где сохранились мумифицированные ошметья плоти.

— Дерьмо Шииста, — выругался Шнайдер, сглотнув вставший в горле ком. Вперед, — уже не так уверенно, как раньше, распорядился он, нервно сжимая в ладони успокаивающую импульсную «гюрзу» — стозарядный автоматический пистолет.

Лестница показалась ему бесконечной. От постоянных поворотов терялась ориентация и начинала кружиться голова. Но мрак уже больше не нервировал наоборот, чем дальше они продвигались среди абсолютной тишины, чем больше признаков запустения попадалось на глаза полковнику, тем сильнее росла его уверенность в том, что он, наконец, получил карт-бланш. Башня создавала впечатление именно того места, что так упорно искал он на протяжении многих лет.

Когда через полчаса изматывающего подъема им попался первый открытый выход в горизонтальный ярус, это впечатление полностью подтвердилось.

Отряд попал в бесконечный комплекс биолабораторий.

Настоящие цеха по воспроизводству жизни. Лучи фонарей обшаривали помещения, выхватывая из мрака жуткие подробности внезапно прерванного производства. Темные камеры клонирования

возвышались, словно таинственные саркофаги, около них в глубоких креслах за пультами управления, перед погасшими терминалами, сидели скелеты в истлевших лохмотьях. Голые черепа давно умерших киборгов были усыпаны разъемами биоинтерфейсов, от которых к пультам и камерам клонирования тянулись плоские многожильные провода.

Шнайдер представил, как тут произошла катастрофа. Свет погас, отключилась энергия на пультах, а киборги, не получая команд, продолжали сидеть на своих рабочих местах в полнейшем мраке, пока постепенно атмосфера в башне не стала ядовитой, смешавшись с воздухом Гермеса.

Тогда они умерли.

В этой покорности было что-то жуткое и зловещее.

Именно то, что было так необходимо Отто Шнайдеру. Он нетерпеливо осматривал однообразные цеха, поражаясь масштабам существовавшего тут производства, но мысли полковника то и дело срывались на другое — он хотел найти компьютерный центр управления Башней. Ему не терпелось попасть в «сердце» этого могучего и непонятного его разуму сооружения. Он хотел владеть им.

Шнайдер забыл, как десять суток назад его обуревало такое же страстное и самоуверенное желание относительно компьютерной Сети Деметры.

Глава 10

Сфера Дайсона. Гостиничный комплекс двести первого сектора

Беат вернулась домой только под утро. Патрик возил ее осматривать Мемориал, и она, скидывая туфли и направляясь в ванную комнату своего гостиничного номера, все еще пребывала под впечатлением этого таинственного места.

Столько скорби и одновременно уверенности в дне завтрашнем — такого она не могла себе даже вообразить. Сила духа тех, кто пережил Галактическую войну, крах и возрождение собственной души, присутствовала меж стен мемориального ущелья даже теперь, по прошествии тысячи лет.

«Теперь уже нет таких острых чувств», — с оттенком сожаления подумала она, вставая под горячие струи воды. Ей вдруг стало неловко перед Андором, который был непосредственным участником тех событий тысячелетней давности. Она находила его странным, но Скорбящие Стены принадлежали ему в равной степени, как и тем людям, что основали первое поселение в разрушенной временем Сфере Дайсона.

«Интересно, что скажет по этому поводу Райв? — подумала она. — Будет интересно слетать туда еще раз вместе с ним».

Запахнувшись в халат, она вышла из ванной комнаты и задумалась, остановившись посреди гостиничного номера. Как все-таки чудесно, когда вокруг тебя цивилизация. На столе стоял поднос с завтраком. В узкой высокой вазе, источая божественный аромат, благоухали свежие цветы.

Она села в кресло, пододвинула к себе кофе и, прижав к уху трубку мобильного коммуникатора, послала вызов.

— Да, мэм? — голос гостиничного процессора было сложно отличить от человеческого, но тем не менее Беат поняла, что разговаривает с машиной.

— Соедините меня с Райвеном. Вы знаете, кто это такой?

— Да, мэм. Одну минутку.

Она успела выпить кофе, прежде чем коммуникатор заработал вновь.

— Мое соединение блокируется, — виновато сообщил голос. — Боюсь, что вам придется спуститься самой. Возможно, ваш робот неисправен или временно отключен. Он находится в седьмом парковочном боксе подземного гаража комплекса.

— О черт! — Беат вскочила, словно эти слова ужалили ее. «Ваш

робот». Истинный смысл этой фразы моментально дошел до ее сознания. «Нет, Райв, ради бога, это просто нелепая ошибка». Она внезапно поняла, какой эгоистичной дурой оказалась по отношению к нему. «Ваш робот». Она почувствовала легкую панику. Сбросив халат, Беат лихорадочно одевалась, со страхом пытаясь представить, что он мог натворить.

Только она и Райвен, два существа во всей Вселенной, могли понять всю нелепость этой ситуации.

«Господи, Райв, милый, только бы ты был там, — растерянно подумала она, выскакивая из номера. — Они же просто гостиничные автоматы, откуда им знать».

Она представила его, застывшего меж обыкновенных машин в темном боксе подземного гаража. «Что же я натворила», — с этой мыслью она захлопнула дверь номера и побежала к лифту.

Сердце Беат бешено колотилось.

Лифт опустил ее до подземного уровня. Выскочив на огромное пространство гаража, она застыла, мучительно пытаясь понять, где же этот проклятый бокс номер семь.

— Райвен! — не выдержав, крикнула она.

Тишина. Только гулкое эхо метнулось меж бетонных столбов, подпиравших свод.

— Райвен! — теперь в ее крике была мольба. Медленно продвигаясь меж запаркованных машин, она продолжала звать его, уже даже втайне не надеясь на ответ.

Она обидела его. Больше — она его бросила, и он понял это.

Бокс номер семь был пуст. Не было ничего — ни следов, ни каких-то признаков двадцатитонной машины. Она даже не представляла, в какую сторону он пошел.

Ухватившись рукой за ярко-желтое ограждение, Беат подняла к уху трубку коммуникатора.

— Соедините меня с Андором, — бессильно попросила она.

Гермес. Девяносто седьмой уровень Башни.

— Сэр, вот, вероятно, то, что вы ищете, — компьютерный техник «Виктории» протянул полковнику электронный планшет.

Шнайдер взглянул на изображение.

«В этой Башне сам Шиист ногу сломит», — подумал он, пытаясь проследить взглядом узор ломаных и кривых линий.

То место, которое указал ему техник, располагалось чуть выше

пробоины. Это был огромный сферический зал, и, судя по результатам сканирования, большая часть всех коммуникаций Башни стекалась именно сюда.

— Как мы можем туда попасть?

— Сэр, мы обнаружили генераторную, — доложил один из бойцов, вынырнув из тьмы бокового прохода. — Там все выглядит исправным, нужен лишь пусковой импульс. Возможно, нам удастся запустить один из лифтов.

— Хорошо, пошли, — Шнайдер обернулся. — Это не опасно? — спросил он у компьютерного техника.

Тот пожал плечами.

— Мы не знаем ничего о структуре этого комплекса. Здесь должны быть системы охраны. Я бы вообще не стал тут трогать ни одного рубильника.

Шнайдер поморщился, как от зубной боли. Знать бы, что тут произошло несколькими веками раньше!

— Ладно, фрайг с ним. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

— Сэр, — осторожно начал шагавший за его спиной техник, — помните тот эндоостов на лестнице?

— Ну? — не оборачиваясь, спросил Шнайдер.

— Когда мы проходили мимо, я отсканировал его системы, — нерешительно сообщил солдат.

— Да говори ты толком! — Полковник резко остановился, так что техник, не успевший вовремя затормозить, едва не сбил его с ног. — Что ты там увидел?

— Его системы не обесточены, — признался солдат, который все еще не пришел к определенному мнению, кого он боится больше: Шнайдера или этой жуткой, безмолвной конструкции. — Есть такое понятие — долгий резерв, пояснил он. — Энергосберегающая функция — это признак любой высококлассной машины. — Техник поднял голову, и фонарь гермошлема осветил бледное лицо Отто Шнайдера. — Его накопители все еще заряжены, — закончил, наконец, техник свою мысль, — я так думаю.

— Почему он тогда сидит там? — не понял Шнайдер.

— Потеря командных приоритетов. Он потерял связь с руководящими программами.

— Дерьмо! — полковник схватил его за плечевые пластины скафандра и дернул к себе, так что их гермошлемы глухо стукнули, ударившись друг об друга. — Почему ты молчал?

— Я не был уверен.

Одному Шнайдеру было известно, сколько сил потребовалось ему, чтобы разжать пальцы. Слишком велик был соблазн садануть кулаком по забралу гермошлема этого труса, чтобы тот узнал, что такое настоящий страх, когда жизнь по капле утекает из твоего организма вместе с последними молекулами пригодного для дыхания воздуха.

— Иди вперед! — он пинком подтолкнул техника по направлению к генераторной. — И не вздумай еще раз испугаться. Лучше пораскинь своими мозгами, как подать ток на выборочные системы, чтобы не активировать защиту.

— Хорошо, сэр. Я буду стараться.

…В темном прямоугольном зале у застывших силовых установок уже суетились люди. Внезапно мрак заметно поредел — это вспыхнуло несколько переносных прожекторов, осветив покатые контуры генераторов.

— Взрыв произошел несколькими уровнями выше, но заряды не были направленными, потому разрушения распространились во все стороны, проговорил один из офицеров, указав полковнику на трещины в своде и на стенах зала. В некоторых местах болтались обгоревшие огрызки кабелей высокого напряжения, перебитые замыканиями провода. — Вот в этом месте на генераторы подавалось первичное питание обмоток возбуждения, — он указал на связку толстых энерговодов, которые отсекло от стены, словно какой-то гигант полоснул по ним ножом. — Выходы аварийного питания на цепи Башни по большей части целы — генераторы не были запущены, и по этим цепям в момент катастрофы не шло напряжение.

— Что это нам дает? — осведомился полковник.

— Мы можем запускать генераторы по одному, выясняя тем самым, с какими системами Башни они связаны.

— Метод «научного тыка»? — криво усмехнулся полковник.

— Ничего другого не остается, сэр.

— Что ж, будем пробовать, — пожал плечами Шнайдер. Ему уже изрядно надоело ползать в кромешной тьме по запутанным уровням этого циклопического сооружения. К тому же он лучше других представлял, что рано или поздно, но им придется начать процесс проб и ошибок.

Из секундной задумчивости его вывел раздавшийся в коммуникаторе возглас:

— Смотрите сюда!

Полковник резко обернулся, пытаясь понять, что привлекло внимание одного из солдат, заставив того позабыть о субординации.

Пятна света от плечевых фонарей собрались вместе у дальней стены.

Там, у крайнего из генераторов, явно присутствовало нечто чужеродное — по стенам в живописном беспорядке тянулись разнокалиберные провода, на полу, словно ящики на складе, в штабель были сложены стабилизаторы напряжения. Связки силовых кабелей ползли по самодельной конструкции, исчезая в недрах генератора.

— Здесь кто-то включал аварийное питание!

— Да, но это было очень давно, — один из офицеров «Виктории» провел рукой по глянцево-черной поверхности самого толстого кабеля, демонстрируя, сколько пыли успело на нем скопиться с того времени, как в этом зале в последний раз ступала человеческая нога.

«А может, и не человеческая?..»

Мгновенное воспоминание о Деметре заставило полковника вздрогнуть, но он тут же отогнал от себя все страхи. Его не простят за провал на Деметре. Он проиграл там вчистую. Поэтому у Отто Шнайдера был лишь один способ реабилитироваться перед теми, кто держал в своих руках все корпоративные сектора Окраины. Он должен победить тут. Или погибнуть. Третьей попытки у него не будет.

— Запускайте, — негромко приказал он, отступая на шаг. «Посмотрим, куда тянутся все эти ниточки», — усмехнувшись, про себя добавил он, взглянув на наспех проложенные энерговоды.

Тот человек, что вернулся сюда спустя много лет, после постигшей Башню катастрофы, видимо, имел определенную цель визита. Об этом свидетельствовали самодельные бирки с едва различимыми, сделанными от руки надписями, что крепились на кусках проволоки прямо у входа кабелей в распределительную коробку генератора.

«Пятый уровень. Комплекс биореконструкции».

«Восемьдесят восьмой. Лаборатория сервоприводов».

«Периферия процессора».

Бирок было много — больше двух десятков, и часть из них уже не читалась. Осмотрев доступные надписи, к Шнайдеру подошел офицер.

— Этот человек был отлично знаком с внутренними системами Башни. Он действовал очень избирательно.

— Я думаю, что мы идем по следам того, кто создал того проклятого робота, — ответил полковник. — Включай, Майкл, и посмотрим, так ли страшен этот черт.

— Сэр, этот человек ЗНАЛ Башню, — вновь повторил офицер. — Он мог оставить ловушку.

— Включай! — оборвал его Шнайдер. — С ума вы все посходили от

страха, что ли?

— Есть, сэр.

Повернувшись, офицер махнул рукой одному из подчиненных.

Очищенный от наслоений пыли рубильник скрипнул и повернулся.

В следующий момент пол гулко завибрировал — это раскручивался якорь генератора, потом что-то заискрило в проложенной по стенам проводке, и в разных частях Башни внезапно вспыхнул тусклый свет аварийных систем.

Один из кабелей, выйдя из гудящего и вибрирующего чрева генератора, тут же уходил прямо в стену. Он не был помечен биркой и вообще оказался уложен так, чтобы не бросаться в глаза.

Этот энерговод был подключен намного позже основной проводки. Он вел к процессору Башни.

* * *

Многовековое забвение нарушил тонкий, тревожный писк.

Процессор Башни не был разумен и не мог развить в себе подобного свойства — об этом позаботились его бывшие создатели, которые больше всего на свете доверяли своим машинам именно потому, что те, в отличие от людей, были точны, исполнительны и бездушны. Никаких саморазвивающихся программ. Никакой самостоятельности. Только строгое выполнение заложенных однажды функций.

Те, кто на протяжении веков доминировал на галактическом рынке роботехники, делали только первосортные машины.

Они давно стали прахом. Исчезли их тайны, страсти, пороки, замыслы, надежды и амбиции. Осталась только Башня и те, кто пытался ее реанимировать.

Именно этого боялся тот человек, что, закончив свой последний визит сюда, на останки некогда могучей корпорации, проложил тот самый невзрачный кабель. Он был знаком с оборудованием башни и знал, что при включенном процессоре весь комплекс гораздо легче уничтожить, чем заставить работать под чью-то диктовку.

Сам же он не хотел пользоваться той мощью, что шла в разрез с его понятиями человечности.

Мина, заложенная несколько веков назад, сработала безупречно.

Теперь в игру вступал Центральный процессор и его программы безопасности.

* * *

Над южным полушарием Гермеса опустились сумерки. Ветер немного утих, и сквозь завесу поднятой им днем пыли слабо просвечивали сиротливые габаритные огни Башни.

Внезапно в темнеющих небесах Гермеса вспыхнул и начал разгораться еще один огонек.

Космический корабль, что появился спустя несколько минут над унылой равниной, выглядел по меньшей мере странно. Создавалось такое ощущение, что его спустили до срока со стапелей какой-то космоверфи, потому что законченной эту конструкцию назвать мог только человек, далекий от самого понятия «космос».

Сквозь прорехи отсутствующих бронеплит внутри сферической конструкции ясно просматривался решетчатый скелет несущих опор. На темном корпусе не светился ни один габаритный или навигационный огонь. Центральный шлюз корабля зиял черным провалом по причине отсутствия в нем люков. Нетрудно было догадаться, что на борту царил вакуум, который в момент вхождения в атмосферу был вытеснен ядовитыми газами Гермеса.

Компьютер «Шаттла» попытался вступить в радиоконтакт с новым объектом, но эта попытка не увенчалась успехом, — темная, частично оплавившаяся сфера в гробовой тишине грациозно рухнула на песчаные дюны, выбив своей массой громадную воронку, и застыла, завалившись на один бок.

Некоторое время ничего не происходило, лишь отчетливо потрескивал нагретый от трения в атмосфере металл, затем в темном провале главного шлюза показалась смутная исполинская тень.

Это был Райвен.

Огромный трехпалый ступоход робота глубоко вдавился в песок. Он повел торсом, сканируя окрестности.

Его системы моментально зафиксировали Башню и севший неподалеку от нее «Шаттл».

С тихим щелчком включились оптические умножители и вместе с ними инфракрасные сканеры.

Песок был холоден. Перед внутренним взором Райвена он лежал, как красноватая масса.

Зато Башня полыхала потоками тепловых излучений.

Несколько секунд он изучал полученную посредством сканеров картинку. На ней пирамидальный комплекс выглядел, словно слоеный

пирог. Одни этажи оставались темными, другие светились багрянцем, выдавая скудную энергетическую и тепловую активность работающих там аварийных систем. В некоторых местах на фоне темных этажей двигались отдельные источники энергии, — очевидно, там, среди мрака и мертвого оборудования, перемещались какие-то механизмы.

В одном месте оптические умножители показали гигантскую пробоину, изуродовавшую тело Башни на высоте нескольких сотен метров.

Вот там как раз и цвел целый букет ярких тепловых сигналов.

Райвен сразу различил работающий генератор и протянувшиеся от него пульсирующие нити кабелей, которые расползались по различным этажам, словно яркая паутина.

В районе пробоины шел бой. Зло и часто вспыхивали выстрелы, алые тени метались в лабиринте помещений, более тусклые пятна машин монотонно отрабатывали свои программы.

Нервно взвизгнули сервоприводы, разворачивая торс двадцатитонного робота. Сканеры сообщили, что орбитальный челнок принадлежит разведывательному кораблю «Виктория».

Это был корабль Отто Шнайдера. Полковник опередил его.

Резко повернувшись, Райвен тронулся с места и размашисто зашагал по склону выбитого посадкой песчаного кратера в сторону Башни.

Он прилетел сюда, чтобы узнать: кто он такой и с какой целью был создан. Он не собирался ни помогать Отто Шнайдеру, ни убивать его. Люди не интересовали потерявшего свою личность робота. У него была своя цель.

Глава 11

Гермес. Девяносто седьмой уровень Башни

События на верхних уровнях Башни развивались столь же драматично, сколь и стремительно.

Отряд полковника Шнайдера после томительной и напряженной получасовой паузы, которую бойцы выдержали, изготовившись к отражению внезапной атаки, наконец покинул генераторный зал.

Шагавший в центре полковник не мог сдержать торжествующей ухмылки.

Он был на полпути к цели. Энергопитание части комплекса было восстановлено, и при этом явно не сработала ни одна охранная система. Никаких признаков тревоги: ни сирен, ни зловещих, предупреждающих об опасности огней, ни попыток воздействия на вторгшихся в Башню людей — ничего этого не было и в помине. Просто неяркий, желтоватый свет разлился по залам и переходам, освещая признаки обветшания всего комплекса, покинутого хозяевами сотни лет назад.

Теперь оставалось найти базы данных и выкачать оттуда максимум полезной информации о применявшихся тут некогда технологиях. Для этого Отто Шнайдеру был необходим исправный компьютерный терминал и терпение. Он не сомневался, что его техники смогут подобрать ключ к информационному пространству Башни.

…На сто семнадцатом этаже в мрачной тиши огромного куполообразного кабинета, в стене которого щерилось осколками бронестекла выбитое давним взрывом панорамное окно, на оживших пультах управления неторопливо перемигивались огни.

Внизу, у основания гулкой винтовой лестницы, пришел в движение эндоостов киборга. Один из солдат полковника, проходя мимо хромированного скелета со следами плоти на металлокерамических костях, мстительно пнул его ногой, опрокинув вниз головой на ступени. Сейчас застывший в нелепой позе эндоостов вдруг несколько раз конвульсивно дернулся — это заработали его сервосистемы, получив первый приказ за несколько столетий тишины.

Зловещая жизнь возвращалась на этажи Башни. Она была незаметна, зачастую ее нельзя было ни увидеть, ни услышать, ни осмыслить. Жизнь кралась по многожильным экранированным кабелям, трепетала в эфире, тихо пощелкивала в недрах пультов, искрила на старых соединениях.

Отряд полковника преодолел несколько лестничных маршей и вышел на разрушенный давним взрывом уровень. Куполообразное помещение, куда стремился Шнайдер, находилось несколькими этажами выше.

Он остановился и задрал голову, разглядывая в тусклом свете фонаря покореженную арматуру подвесного потолка, за обвалившимися листами которого змеились кабели и трубы.

— Дерьмо, — услышал он чей-то сдавленный шепот и оглянулся.

Когда-то тут случился нешуточный пожар. Трудно представить, какие химические соединения обнаружили способность гореть в ядовитой и почти напрочь лишенной кислорода атмосфере Гермеса, но следы бушевавшего здесь огня казались слишком очевидными, чтобы сомневаться.

В обугленных креслах сидели эндоостовы человекоподобных роботов. Их плоть сгорела, черепа обуглились и потемнели. Из разъемов биоинтерфейсов на лысых черепных коробках торчали оплавленные остатки штекеров. Вокруг были разбросаны покрытые песком и пылью обломки уникальной аппаратуры, под сапогами скафандров тихо шуршало битое стекло и горелый пластик.

Никто из солдат, даже те, кто озирался с особой нервозностью, непроизвольно отводя взгляд от застывших в креслах обугленных мумий, не мог даже подозревать, что среди этого хаоса и разрушений могут уцелеть какие-то приборы.

Но это оказалось именно так.

Инфракрасный сканер, чудом удерживающийся на куске отставшего от потолка провода, висел во тьме, испуская едва заметное красноватое свечение из своего единственного объектива. Залетавший сюда сквозь многочисленные проломы ветер Гермеса раскачивал его и медленно вращал вокруг оси.

Когда в зону действия сканера попала первая человеческая фигура, на одном из мониторов сферического зала управления быстро промелькнула строка сообщения.

«Объект классифицирован. Человек. Пол мужской. Код Доступа — красный. Вооружен импульсным оружием. Система не опознана.

Внимание!

ВТОРЖЕНИЕ!»

Это уже была командная директива.

Первым неладное почувствовал офицер, тот самый, кого полковник назвал Майклом.

Ему показалось, что сзади возникло какое-то движение. Резко обернувшись, он дико закричал, когда конус света от его фонаря выхватил из темноты кошмарную сцену — обугленный эндоостов сгоревшего несколько веков назад киборга дергался в кресле, пытаясь оторвать прикипевший к спинке металлокерамический позвоночник.

На истошный, полный неподдельного ужаса вопль обернулся весь отряд, и десяток фонарей скрестились на темной фигуре, извивающейся в оплавленном кресле.

Кто-то, наиболее сообразительный или просто больше всех напуганный, резко вскинул импульсную винтовку и разрядил ее в оживающего киборга длинной, неэкономной очередью.

Кресло вместе с эндоостовом разорвало в клочья.

Нудно взвизгнули срикошетившие снаряды, тонко пропели осколки, звонко ударилась о чью-то броню оторванная от киборга рука с судорожно дергающимися сервоприводами.

— Огонь! — рявкнул полковник в свой коммуникатор, оправившись от секундного шока, но вокруг в сумерках разрушенного уровня уже шевелились десятки зловещих теней.

Отто Шнайдер был вне себя.

Он слышал… Он слышал ЭТО…

Внешние микрофоны скафандров рванул тонкий вой старых, давно не используемых сервоприводов, и мрак внезапно ожил.

Попятившись, полковник вырвал импульсную винтовку из рук ошалевшего от неожиданности компьютерного техника.

— Гранаты! — крикнул он ему. — Бей их гранатами!

Развернувшись, Шнайдер навскидку выпустил несколько очередей, успев заметить, как во вспышках электромагнитного поля, словно в свете стробоскопа, к нему рывками продвигаются три или четыре почерневшие фигуры.

То, что осталось от киборгов, нельзя было назвать ни людьми, ни роботами — это были какие-то ужасные механические зомби, совершенно безоружные и не предназначенные для боевых действий. Просто старые куски железа, которые веками хранили в себе неприкосновенный запас энергии, ожидая, пока кто-то отдаст им приказ.

И вот это случилось.

Впереди полыхнул сдвоенный гранатный взрыв. Тугая ударная волна заставила полковника пошатнуться. В ослепительной вспышке к потолку

взметнулись обломки механических скелетов вперемешку с битыми приборами и кусками рухнувшего с потолка пластика.

— Отходим! К лестнице!

К Отто Шнайдеру вновь вернулась часть самообладания. Это были всего лишь старые эндоостовы. Ржавый хлам, сумевший напугать до полусмерти взвод вооруженных бойцов.

— Прекратить огонь! — скомандовал полковник, отходя к лестничному маршу, у которого не хватало нижних ступеней. — Они безоружны и слишком медленно двигаются!

На кого-то его приказ подействовал отрезвляюще, и вокруг Шнайдера моментально собралась группа из семи человек. Остальные все еще метались во мраке зала, вспарывая тьму бледными вспышками выстрелов импульсного оружия.

— Идиоты! — прошипел полковник. Опираясь на подставленные руки солдат, он перешагнул на нижнюю ступеньку висящего в воздухе лестничного пролета. Все за мной! Отступаем на верхние уровни! Мы должны прорваться в сферический зал!

Те, кто последовал за полковником, оказались самой дисциплинированной и боеспособной частью его отряда. Эти люди если и потеряли голову в тот момент, когда во мраке начали оживать жуткие, ирреальные тени, то наваждение длилось недолго. Теперь они разобрались, что к чему, и были готовы к новой встрече.

На следующем уровне, который пострадал от давнего взрыва лишь частично, горел тусклый аварийный свет. Пол местами был вспучен от ударов взрывной волны недюжинной силы. Коридор с гладкими стенами плавно загибался вправо, окольцовывая периметр этажа. Сквозь расположенные через равные промежутки овальные окна в здание врывался ветер, который даже на такой высоте нес в себе пыль и мелкий песок.

Внезапно в дальнем конце коридора начали открываться внушительные ворота грузового лифта.

Кто-то вскрикнул, привлекая внимание остальных.

Взглянув в глубины коридора, Шнайдер внезапно понял, что шутки закончились. Они действительно пробудили к жизни охранную систему Башни.

В тусклом желтом свете в коридор выползал какой-то механический выродок. Такой конструкции Шнайдер еще не видел — робот походил на паука, и выглядел он совсем не старой ржавой железкой. Это была натуральная боевая машина неизвестной конструкции во всей своей красе

и мощи.

На мгновение в эфире повисла зловещая тишина, и вдруг внешние микрофоны скафандров взорвались оглушающим воем — это машина, стоя на пороге лифта, выстрелила вдоль коридора из ракетной установки.

Эффект замкнутого пространства оказал свое чудовищное действие — три боеголовки разметали кучку людей, превратив их в кровавые ошметья, размазанные по стенам.

Полковника спасло не чудо — просто он успел нырнуть за спины своих подчиненных и рухнул на пол, увлекая за собой в качестве щита чье-то обмякшее тело.

Тройной удар взрывной волны встряхнул его так, что из ушей хлынула кровь и из груди выбило весь воздух. Контуженый полковник попытался вскочить, но не смог вздохнуть, — его скафандр был пробит в нескольких местах, а прозрачное забрало шлема просто разлетелось на куски.

Стараясь не дышать, с выпученными глазами, он пополз в сторону лестницы.

«Совсем немного. Еще чуть-чуть», — билась в голове запоздалая и совсем абсурдная в его положении мысль.

Из глубин коридора на него надвигался боевой робот. Внизу, на искалеченном давним взрывом уровне, разливалось какое-то сияние.

Шнайдер последним усилием поднял руку и ударил окровавленной ладонью в порванной перчатке по кнопке, расположенной возле двери, которая закрывала последний марш аварийной лестницы.

К его удивлению, дверь послушно отъехала в сторону.

За ней были ярко освещенные ступени. Он начал задыхаться, но все равно пополз, ощущая покалеченным лицом, как веет из открывшегося проема прохладным током воздуха.

* * *

То сияние, что успел заметить Шнайдер, было отблеском пламени от прыжковых турбин Райвена.

Двадцатитонный робот не стал утруждать себя подъемом по темным и узким лестницам. Он просто включил турбины, совершив бесподобный прыжок прямо в темный зев пробоины.

Сумерки разрушенного уровня все еще освещали беспорядочные вспышки выстрелов.

Обезумевшие люди из отряда полковника играли тут в прятки со смертью. Произведя моментальное сканирование, Райвен понял, что им не

стоит уделять внимания, — эти бойцы больше калечили друг друга собственным паническим огнем, чем причиняли вред нескольким едва передвигавшимся эндоостовам древних машин.

Его появление не прошло незамеченным — несколько снарядов от импульсного оружия гулко ударили о броню, и ближайший эндоостов ковылявшего на негнущихся ногах киборга повернул в его сторону. Как он собирался остановить двадцать тонн смертоносной брони, оставалось загадкой. Просто он был послушной машиной. Приказ гнал его вперед, прямо под ступоходы Райвена.

Не обращая внимания на стрельбу, Райвен смотрел на край расположенной в потолке пробоины. Его сканеры уже нашли сферический зал управления, и процессор определил это помещение как наиболее значимое в структуре Башни. Там располагался Центр, а весь остальной бардак являлся лишь его убитым временем придатком.

Сумеречный простор уровня вновь осветило пламя прыжковых ускорителей.

Киборг, попавший под струю раскаленных газов, поник и, согнувшись, с глухим стуком упал на пол.

Пятиметровый силуэт Райвена рванулся вверх.

Переходы Башни оказались под стать ему. Очевидно, что среди древних машин попадались экземпляры и покрупнее, чем он. Логика подсказывала Райвену, что большинство коммуникаций Башни предназначались именно машинам, оставляя для людей лишь отдельные лестницы и лифты.

Вписавшись в пробоину, от края которой вниз вел сиротливый лестничный марш, только чудом удерживающийся на остатках арматуры, Райвен с глухим скрежетом приземлился на пол предпоследнего уровня.

Внутри Райвена, в пустующей рубке, злобно взвизгнули предупреждающие сигналы.

Он резко развернулся, но ракетный залп, выпущенный из глубин коридора, уже настиг его.

Райвен покачнулся, чувствуя, как разом замолчала часть его систем. Правый ступоход внезапно заклинило, и он едва не упал, лишь в последний миг успев переместить всю тяжесть своего корпуса на левую конечность.

По мониторам рубки с бешеной скоростью метались сообщения. Список полученных повреждений был угрожающим, но Райвен, вернее, та его часть, которую можно было определить термином «сознание», не обратил на него никакого внимания. Он уже перешагнул черту, за которой остался Райвен-робот.

Действуя как человек, он испытал удивление, боль, досаду… и злость.

Пока львиная доля его процессора обрабатывала повреждения, восстанавливая потерянные цепи управления, именно эта часть Райвена приняла бой, потому что ответить на удар вдруг оказалось для него жизненной потребностью. Больше не было холодного расчета — была ярость, пробудившаяся от нанесенного исподтишка удара, хотя такое сравнение вряд ли было уместно в оценке данной ситуации.

Паукообразный робот был буквально вбит в стену ответным залпом орудийных комплексов Райвена.

Он сделал шаг вперед, с трудом удерживая равновесие. Поврежденный ступоход плохо реагировал на команды, но цель уже была близка. Райвен, шатаясь, словно пьяный докер, упрямо шел по коридору, к шахте грузового лифта, откуда несколькими минутами раньше появилась атаковавшая его боевая машина. На компьютерной схеме этот лифт напрямую сообщался с тем помещением, куда он стремился попасть.

Райвен без труда преодолел почти двести световых лет, отделявшие Сферу Дайсона от Гермеса, и не мог позволить себе упасть на последних метрах, всего в двух шагах от тайны собственного сознания.

* * *

Одной из основных составляющих Башни была система жизнеобеспечения.

Пусть большинство помещений и переходов проектировались тут под габариты многотонных машин, изначально хозяевами комплекса были люди, и они в первую очередь заботились о себе.

Ток воздуха, что почувствовал Шнайдер на искалеченном осколками забрала лице, шел от работающих регенераторов, раструбы которых выходили в узкий коридор в виде щелеобразных отверстий, расположенных под самым потолком.

Процессор Башни столкнулся с трудной задачей. Поддержание определенного состава воздуха и его температуры внутри вверенных его заботам помещений являлось задачей первостепенной важности, но Башня к моменту его реанимации оказалась в слишком плачевном состоянии.

Даже в центральном офисе (так бывшие хозяева именовали то самое куполообразное помещение) отсутствовал целый сегмент панорамного окна. Ядовитый ветер Гермеса врывался в святая святых комплекса, словно насмехаясь над потугами очнувшегося от забвения компьютера.

Шнайдеру повезло. В логике процессора присутствовало понятие приоритетов. С точки зрения человека, это был полнейший абсурд: сначала

обеспечить полуживому от боли существу нормальную атмосферу, а потом ликвидировать его как врага, вторгшегося на территорию тех, кто умер несколько веков назад.

И тем не менее все складывалось именно так. Одна из первоочередных программ, зафиксировав разгерметизацию офиса, принялась повышать производительность поставляющих воздух машин. Компьютер намеренно создавал избыточное давление, чтобы вытеснить из-под купола ядовитый воздух, в результате чего ветер, гулявший в помещении, изменился. Теперь он дул изнутри здания, вырываясь наружу через выбитый сегмент.

Полковник, который, теряя силы от многочисленных осколочных ранений, с фанатичным упорством полз по скользким от собственной крови ступеням, естественно, ничего не знал об этом.

Он дышал, и этого казалось достаточно.

Куполообразное помещение центрального офиса поражало своим скупым и немного мрачноватым великолепием. Даже теперь, спустя много веков забвения, в течение которых тут хозяйничали ветра Гермеса, овальный стол для совещаний с темно-вишневой столешницей, природный материал которой пошел паутиной мелких трещинок, выглядел внушительно и солидно. Расположенные вокруг глубокие кресла, у подлокотников которых застыли тактические терминалы Центрального компьютера, ласкали взгляд своими мягкими упругими формами. Казалось, в воздухе еще витает запах дорогой натуральной кожи.

Шнайдер перевалился через невысокий порог аварийного выхода и, оставляя на мраморном полу широкий кровавый след, пополз к тому креслу, что стояло особняком, прямо перед пробоиной в панорамном окне. Его затуманенный болью взгляд безошибочно угадал, что там было место Хозяина.

Действительно, под матовым материалом столешницы, перед креслом главы корпорации, лениво перемигивались огоньки встроенной сенсорной клавиатуры.

Внезапно до слуха полковника сквозь завывания улетавшего в пробоину воздуха дошел зазвучавший в помещении надтреснутый голос:

— Вы вторглись на территорию корпорации «Галактические Киберсистемы». Вам предоставлено десять секунд на то, чтобы подтвердить свое право находиться в данном помещении.

Шнайдер криво усмехнулся окровавленными губами. Давно ли он сам высокомерно произносил те же самые фразы, сидя под защитой брони

патрульного «Шаттла»?

Ему было обидно.

— Нет больше твоей корпорации, придурок… — просипел он, уцепившись руками за председательское кресло и подтягивая онемевшее от боли тело.

Из-под руки выпал и повис, раскачиваясь на тонком проводе, похожий на нимб обруч. Вся его внутренняя поверхность была усеяна мельчайшими электродами нейронно-сенсорной связи. Эта была достаточно старая технология, и полковник попросту не понял предназначения обруча, посредством которого человек мог войти в некое виртуальное пространство Башни.

— Ваше время истекло! — прохрипели порванные динамики аудиосистемы древнего компьютера.

— Твое тоже, идиот, — осипшим голосом ответил Шнайдер, роняя под стол, в толще которого располагался процессор, снятую с предохранителя гранату.

Он сам не понимал, зачем это делает. Просто ему не хотелось думать, что его собственная смерть расчистит дорогу кому-то, идущему следом, более удачливому. Раз ему не суждено овладеть этой Башней, то пусть ее электронный мозг умрет вместе с ним.

Он не видел, как со скрежетом отъехала в сторону панель облицовки, обнажая ребристые стволы лазеров, которые были нацелены в его грудь. Взгляд Шнайдера был устремлен на рифленый шарик гранаты, который, весело подпрыгивая, скакал по полу.

В этот самый момент дрогнули массивные створы замаскированного под фон стены лифта и в помещение шагнул Райвен.

Его сенсоры мгновенно зафиксировали скачущую по полу гранату, работающий процессор и умирающего человека.

— Нет!!! — крик отчаяния, вырвавшийся из динамиков внешней аудиосистемы робота, потонул в грохоте взрыва. Он опоздал всего на несколько секунд.

Перед видеокамерами Райвена, как в замедленной съемке, взметнулось ослепительное пламя взрыва, смешивая между собой части процессора Башни, острые щепки столешницы и окровавленную человеческую плоть.

За эти полные горестного потрясения секунды к нему пришло внезапное решение.

Робот бы не решился на такое.

Такое мог сделать только потерявший все человек.

Пока оседали обломки, внутри Райвена что-то тихо взвизгнуло, и часть покрывавших его торс бронеплит внезапно пришла в движение, открывая глубокую нишу, в которой, среди специальных гироскопических захватов, висел серый, испускающий тусклое сияние шар.

Это был его процессор.

Пока два манипулятора скупыми и точными движениями отсоединяли гироскопы, сканеры робота успели определить оборванные взрывом каналы интерфейсов, посредством которых мозг Башни общался со своими банками данных и всем остальным комплексом.

Райвен хотел знать, кто и зачем его создал. Это желание было сильнее, чем любая машинная логика.

Он давно перестал быть обыкновенным роботом, но теперь ему грозила перспектива навсегда лишиться возможности обрести вновь утерянную в неведомых схватках личность.

Его процессор работал на пределе. Впервые ему пришлось задействовать все фантастическое быстродействие искусственного фотонного мозга.

Нити управления Башней, среди которых были и нужные ему информационные каналы, стремительно агонизировали. Он ощущал, как потеря единого командного Центра судорожной волной конвульсий перемещается по виртуальному пространству Башни, пробуждая к жизни программы самоликвидации.

Это были роковые секунды его жизни.

Двадцатитонный корпус застыл посреди порожденного взрывом хаоса, и два манипулятора Райвена протянули собственный мозг в самую гущу вывороченных наружу, плюющихся искрами проводов.

Из корпуса робота выдвинулся еще десяток точных рук, которые сейчас управлялись дистанционно. Они потянулись к оборванным соединениям, подключая их к осиротевшим разъемам шара.

Новый Райвен создавал сам себя. Он хотел этого. Ради тех информационных полей, что были связаны с уничтоженным процессором Башни. Ради обретения собственного «я».

Ради того, чтобы больше никто не посмел бросить его в подземном гараже рядом с машинами.

Он знал, что одно неправильное подключение может взорвать его мозг, и тогда…

Об этом не стоило даже и думать.

Он рисковал, так же как и Шнайдер, чья кровь сочилась по оборванным интерфейсам процессора Башни.

Внезапно пять пар механических рук остановились.
Все соединения были запитаны.

Посреди сферического зала центрального офиса «Галактических Киберсистем», над развороченным взрывом столом застыл пятиметровый боевой робот, удерживая на вытянутых манипуляторах серый светящийся шар, от которого во все стороны отходили десятки, если не сотни кабелей интерфейсов.

Это был Райвен. И в то же время он был Башня.

Вхождение в новое виртуальное пространство походило для его сознания на вспышку яркого, до боли знакомого света.

Он уже был здесь, в далеком прошлом.

Разрушенный временем и взрывами физический мир внезапно потускнел и потерял свое значение.

Он вернулся.

Эпилог

Гермес. Спустя сутки планетного времени

В огромной пробоине, образовавшейся много веков назад, на месте секретных лабораторий «Вечной Жизни», которые взорвал Джон Митчел Сент-Иво, последний наследник гигантской экономической империи «Галактических Киберсистем», тоскливо завывал поднявшийся к утру ветер.

Казалось, древние призраки ожили и теперь бродят средь руин своего порочного прошлого.

Беат расширенными от ужаса глазами смотрела в серое пространство провала, где средь старых и новых трупов копошились смутные, зловещие тени.

Рука Андора легла на ее плечо. Беат нервно вздрогнула.

За их спиной внезапно вспыхнули прожектора, заливая ослепительным мертвенно-белым светом пространство разрушенного уровня.

— Боже мой, что я натворила… — казалось, что мужество окончательно покинуло молодую женщину.

— Это не ты, — спокойно возразил Андор. — Здесь только люди Шнайдера и древние машины. Очевидно, полковник реанимировал процессор Башни, а вместе с ним и охранные системы комплекса.

Губы Беат мелко дрожали.

Глядя на почерневший, обуглившийся много веков назад эндоостов искусственного человека, который, приподняв темный металлокерамический череп, злобно сверлил их немигающим взглядом двух расположенных в глазницах видеокамер, она испытывала только отвращение и страх.

Все, что таили эти стены, казалось ей страшным и противоестественным.

Киборг протянул сломанную руку, на металлических костях которой судорожно подергивались поврежденные сервоприводы, и, ухватившись за торчащую из пола погнутую и оплавленную стойку, подтянул свое тело по направлению к людям.

— У него нет сознания. Он просто пытается выполнить программу, пояснил Андор, глядя на эндоостов, который, используя последние эрги накопленной за века энергии, пытался доползти до них.

— Где Райвен?

Этот вопрос трепетал в каждой клеточке ее мозга, и все же Беат стоило немалых усилий выдавить из себя короткую фразу.

— Он в зале управления, двумя уровнями выше. Я вижу его посредством сканеров, — Андор помедлил, словно в нерешительности, а потом спросил: — Ты уверена, что хочешь пойти туда?

Беат кивнула. Ее покрасневшие глаза оставались сухими.

— Я должна увидеть его.

* * *

В огромном сферическом зале Центрального офиса уже не гулял ветер. Выбитый сегмент панорамного окна был заменен на новый, и помещение опять обрело былую герметичность. В нем горел свет, и о веках забвения напоминал лишь оранжевый песок, ровным слоем покрывавший мраморный пол.

Зато следы разыгравшейся тут сутки назад трагедии были свежи и многочисленны.

Корпус Райвена стоял посреди разрушенного офиса. В эти минуты, освещенный бликами встающей за панорамным окном звезды, он как никогда походил на сложившего крылья ворона.

— Тут нормальный воздух, — раздалось в коммуникаторе замечание Андора.

Беат почти не слышала его. Она уже с трудом воспринимала окружающую действительность. Все ее мысли были сосредоточены в этот момент на покосившемся корпусе Райвена, который застыл в нелепой позе, удерживая на вытянутых манипуляторах светящийся шар процессора.

Открытые торсовые бронеплиты были похожи на рану, откуда вынули сердце.

Она поняла, что Райвена больше нет.

Беат вдруг почувствовала, что ей нечем дышать.

Судорожно рванув замки гермошлема, она откинула его в сторону. Сквозь прозрачный оптический триплекс она видела пустую рубку и осиротевшее кресло перед мертвыми пультами управления.

«Больше я никогда не усну в нем», — с тоской подумала она, вспоминая все, что они с Райвеном пережили вместе, и горькие слезы хлынули по щекам Беат.

— Райв, милый, прости. Я виновата, — горько прошептала она, без сил стоя возле мертвого робота. — Я не уберегла тебя. Опять не уберегла.

— Бетти?!

Голос, прозвучавший под сводом Центрального офиса «Киберсистем», был похож на гром среди ясного неба.

Андор вздрогнул. Он не помнил, когда за последнюю тысячу лет испытывал подобное изумление.

Только секунду назад он пытался понять значение опутанного наспех сделанными соединениями процессора, но никак не рассчитывал на такой однозначный и удивительный ответ.

Он понял, что произошло, как только услышал этот голос.

Райвен стал Башней.

Значение этого трудно было переоценить. Еще один искусственный интеллект, наделенный недюжинными возможностями, возник в подконтрольном человечеству пространстве. Незримый треугольник замкнулся.

Если бы Андор был человеком, то его прошиб бы холодный пот.

Новую формацию ждало слишком туманное и неопределенное будущее. Фотонный суперпроцессор, управляющий Сферой Дайсона, Мать — кибернетическая Сеть Деметры и вот теперь — Райвен, занявший центральное место в разрушенном временем комплексе Гермеса.

Это было нечто совершенно новое. Сила, которая способна как изменить будущее, так и уничтожить его.

Об этом думал Андор.

Беат же просто смотрела на оплетенный интерфейсами тускло сияющий шар.

— Райв? — охрипшим от волнения голосом спросила она.

То, что произошло дальше, повергло ее в смущение.

Один из манипуляторов мертвого робота внезапно ожил. Суставчатая конечность осторожно раздвинула хаос проводов.

Когда она вернулась, вынырнув из путаницы интерфейсов, то в клешнеобразном захвате манипулятора оказался зажат тонкий обруч, от которого к процессору тянулся серебристый провод.

Беат с надеждой и сомнением смотрела на протянутый ей предмет. Вся внутренняя поверхность обруча была покрыта микроскопическими шипами.

«Совсем как терновый венец», — подумала она, протягивая руку навстречу манипулятору Райвена.

Она поняла, что хочет пройти этот путь до конца.

Беат не слышала, как за ее спиной Андор вышел за дверь.

Гибкий пластик мыслеобруча был холоден.

«Что я делаю?» — со страхом подумала она, но руки уже коснулись лба, и тонкие шипы нейтронных контактов впились в кожу.

Перед глазами Беат вспыхнул яркий свет.

* * *

На мгновение ей показалось, что это сон.

Но только на мгновенье, потому что ощущения были самыми реальными.

Беатриче Блейз стояла среди буйной зелени зимнего сада. Вокруг остро пахло незнакомыми цветами, во влажном воздухе витали тяжелые, томные флюиды запахов, где-то звонко капала вода, тихие шорохи листвы наполняли пространство под прозрачными сегментами купола, за стенами которого бесновались ветра Гермеса.

Она огляделась.

Две широкие аллеи рассекали площадь накрытого куполом сада на четыре равных участка. Она стояла как раз на перекрестке. Журчание воды и тихая, мелодичная капель заставили ее сделать несколько шагов.

За разлапистым кустом какого-то растения с широкими веерообразными листьями, которые лениво покачивались в такт слабым дуновениям теплого воздуха, скрывался небольшой водоем. В центре пруда возвышалась угловатая глыба дикого камня, из вершины которой, сбегая вниз маленькими водопадами, сочилась вода.

Дрожь, охватившая Беат в первый момент, понемногу улеглась. Что-то подсказывало ей, что все окружающее великолепие лишь отголосок далекого прошлого. Вероятно, она находилась в той Башне, что еще не была разрушена безжалостным временем и буйством человеческих страстей.

Оглянувшись, она увидела в глубине одной из аллей идущего к перекрестку человека.

Сердце Беат учащенно забилось.

Он знала, что это Райвен.

Фантом.

Она словно окаменела, глядя на приближающуюся фигуру и тщетно пытаясь убедить себя, что этот силуэт лишь продукт ее сознания.

Человек улыбался. Он был не очень высок, широкоплеч и смугл. Черты его лица говорили о воинственности, мужестве и давно позабытом благородстве.

Беат не знала, откуда в ней рождаются подобные ассоциации, но чувствовала, что они никоим образом не навязаны ей.

Просто он жил очень давно, когда средь обитаемых миров еще существовали такие условные понятия, как личная честь.

При жизни этот человек следовал именно таким принципам. Он был воином от рождения и по призванию.

Райвен остановился, не дойдя до нее нескольких шагов.

— Здравствуй, Бетти… — тихо произнес он.

— Райв, это ты? — она стояла на месте, нервно покусывая губы и совершенно не представляя, что ей делать. Она привыкла к иному Райвену, и сейчас между ними существовал барьер.

— Можно сказать и так, — вновь улыбнулся он.

— Где мы?

— Это виртуальное пространство Башни.

— Я так и знала, — Беат подняла глаза. — Ты совершил ошибку, Райв, — с болью произнесла она, глядя на него и пытаясь отыскать в незнакомых чертах смуглого лица образ того Райвена, которого она знала. — Тебе не нужно было покидать Сферу. Я понимаю, что бросила тебя, но это было не нарочно, Райв, пойми!

— Ты ни в чем не виновата, — ответил он, ступив на бархатистый травяной ковер лужайки. Подойдя к пруду, он бросил в воду подобранный с земли камушек. — Наши с тобой отношения попросту опережают время, — грустно усмехнулся он. — Все кончилось еще на Деметре, но ни ты, ни я не были в состоянии понять это ни умом, ни сердцем.

— Ты… Ты не можешь так говорить! — вспыхнула она.

— Могу, Бетти, потому что я люблю тебя, теперь уже можно произнести это вслух. Это должно было окончиться трагично. Хотя в каждой трагедии есть своя доля здравого смысла, — он повернулся и посмотрел на нее так, что по позвоночнику Беат прошла волна горячего озноба. — Если бы не ты, то я никогда не попал бы сюда, не сделал бы безумного шага, я остался бы машиной и сошел с ума в мире людей, понимаешь?

Она не нашлась, что ответить. Глядя в кристально чистую воду, сквозь толщу которой просматривалось дно, она думала о той незримой черте, перешагнув которую два мыслящих существа вдруг начинают воспринимать друг друга в ином свете.

Райвен был прав. Пока они сотрудничали и оставались друзьями, все шло своим чередом. Но в минуту смертельной опасности, спасая друг друга, их сознания вдруг изменились. Человек и машина оказались настолько близки друг другу, что это чувство перешагнуло грань противоестественного. Им была уготована злая судьба.

— Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. Плох тот человек, что не мечтает уподобиться богу и жить вечно. Плох тот робот, что, обретя сознание, не стремится уподобиться своему создателю, — произнеся это, Райвен вдруг отвернулся. — Когда-нибудь люди уподобятся машинам, а машины станут неотличимы от людей. По-моему, этот процесс неизбежен. Два сознания сольются в одно, и тогда, кто знает, быть может, для наших далеких потомков станет доступно новое чувство.

Беат слушала его, а в горле стоял жаркий, удушливый ком.

— Райв!

Он повернулся.

Это был безотчетный порыв. Беат просто не могла больше вынести душивших ее чувств. Сделав шаг вперед, она вдруг обвила руками его шею, не чувствуя струящихся по лицу слез, и прильнула к нему.

— Я люблю тебя.

Ни он, ни она не знали, какой отрезок вечности длилось это самое мгновение.

Их губы встретились. В виртуальном мире для них не существовало преград.

Это было то место, где сбылись все самые горькие и тщетные мечты.

— Ты будешь иногда прилетать ко мне, Бетти? — глядя куда-то в сторону, с болью в голосе спросил он.

— Конечно, Райв… Обязательно… Часто…

Он вдруг еще сильнее прижал ее к себе.

— Я боялся, что ты не примешь меня такого.

Она тихо и счастливо засмеялась.

— Глупый. Я ведь любила твою суть, твою душу.

Беат почувствовала, как вдруг напряглись его мышцы.

— А ведь я узнал кое-что о себе, — внезапно признался он.

Беат подняла заплаканные глаза.

— Немного, только имя. Когда-то меня звали Инвар. Я был другом наследника этой самой Башни.

— Ты можешь копаться сколько угодно в своем прошлом, — ответила Беат, — но для меня ты — Райвен и больше никто, запомни это, ладно?

Он кивнул, прижимая ее к груди.

Его звали Райвен. И он был счастлив.